ХЕЛЕН
ГУДА
ЗОВ
АЛЬФЫ

Хелен Гуда
Зов Альфы

https://litres.ru/74697437

Аннотация

Я не подозревала, что оборотни существуют, пока один из них не заявил на меня свои права. Альфа. Глава клана волков. Жестокий, властный, невыносимый. Я не хотела этого знать — но иной мир ворвался в мою жизнь и перекроил её, а то, чем я оказалась, сделало меня добычей. Теперь на меня открыта охота, и выбор прост: уступить тому, кого я поклялась ненавидеть, — или стать жертвой. От зова не спрятаться. Не убежать.

Поддержите автора и его музу, комментариями, лайками и библиотеками, и не забывайте подписываться на автора!

Книга участвует в литмобе Мой ненавистный Альфа

Содержание

Глава 1. 4
Глава 2. 11
Глава 3. 29
Глава 4. 46
Глава 5. 64
Глава 6. 74
Глава 7. 100
Конец ознакомительного фрагмента. 101

Глава 1.

— Лер, ты закрываешь!

Вздрагиваю от резкости звука. Не ожидала, что Даша подошла так близко. А я задумалась. Самое смешное, что если меня спросят, о чём именно, я и не отвечу.

Дашка стоит в куртке, закидывает сумку на плечо и выжидательно смотрит на меня. Одной ногой уже дома, другой ещё в подсобке. Старается скрыть довольную физиономию и я понимаю, что она явно собралась не домой. Пахнет мужским парфюмом. Значит, ее ждет бойфренд, к которому она бегала на перерыве и просила ее прикрыть. Я усмехаюсь и киваю. Не хочу обламывать свидание, не по-дружески это.

— Ага, — киваю я, старательно вытирая стол. Сегодня у какой-то девушки разлилось кофе, я вытерла второпях, пока Даша делала ей новое. За день кофе высохло, и теперь приходится прикладывать усилия, чтобы оттереть разводы. Безлактозное отмывается хуже обычного. — Даш, иди, я всё слышу. Закрою.

— Не дуйся, солнышко. Ты же не обижаешься? — Это уже Кристина. Она выскальзывает из-за витрины с десертами, видимо дождавшись, пока Даша отпросится. Смешно: мы все на равнозначных должностях, не считая старшего бариста, но это должность скорее формальность, так как выполняем мы все функции одинаково, да и возраста примерно

одного, но девочки всегда относятся ко мне как к старшей. Потому что я живу одна, без родителей, и содержу себя сама. и это не хилый такой признак взрослости. — У меня мама приехала, я реально не могу. Я её очень давно не видела, соскучилась. А Дашка…

— А Дашка торопится на свидание, — подсказывает сама Дашка без малейшего смущения. Улыбается во все тридцать два, глаза озорно блестят. — У нас пока конфетно-букетный период. Три раза на свидание сходили за эту неделю. У меня, можно сказать, личный рекорд.

— Третий раз за неделю — это не рекорд, это диагноз, — бормочу я, но беззлобно. Устала слишком, чтобы язвить по-настоящему. Да и рада я за девочек. Вот моя мама не приезжает ко мне, и на свидания я не хожу. И дело не втом, что меня никто не зовет. Зовут. Но на первом месте у меня учеба и работа. На всё остальное не хватает физических и моральных сил. А может мне просто еще не повстречался тот, ради которого я буду бежать на свидание, роняя тапки.

Кристина хихикает. Дашка посылает мне воздушный поцелуй.

— Лерочка, ты святая. Завтра я тебе латте сделаю. Бесплатно. С двумя сиропами.

— Ты и так мне латте делаешь бесплатно. Это называется «остатки молока из-под капучинатора».

— Не обесценивай мой жест! — Дашка уже в дверях, тянет Кристину за рукав. — Давай, давай, мы опаздываем! Ле-

ра, не забудь кассу снять и сигнализацию!

— Иди уже, — отмахиваюсь я.

Дверь хлопает, но стекло дребезжит, а я делаю себе пометку, что надо сказать об этом Тимуру. Он управляющий, значит пусть следит за такими мелочами. Это его работа, как никак. Я остаюсь одна. В воздухе витают запах молотой корицы, тёплого молока и чужих духов, которые никак не выветриваются.

Одиннадцать вечера. За окном чернильная темнота, только витрина ещё горит, бросая на тротуар бледно-жёлтый прямоугольник. Я поворачиваю табличку на двери: «ЗАКРЫТО». Буквы зеркальные, и я вижу в них своё отражение. От недосыпа у меня темные круги под глазами. Хвост растрепался и съехал в сторону. Про заляпанный фартук вообще молчу.

Мысленно усмехаюсь. Красавица.

Снимаю фартук, комкаю и с силой закидываю в шкафчик. Завтра возьму чистый. Мою руки, но пальцы пахнут кофе. Этот запах въелся так глубоко в меня, что в институте думали, что это мой парфюм. Даже спрашивали где покупала. Сейчас уже привыкли. Два года уже работаю в этой кофейне. Кофе для меня давно не утренний ритуал. Пью без удовольствия, на автопилоте.

Дальше все тоже на автопилоте: Касса, сигнализация, ключ. Два рывка ручки, моя привычка, въевшаяся в ладонь, как мозоль.

Ночь встречает прохладой. Сентябрь днём притворяется летом, а к полуночи срывает маску, и асфальт отдаёт сырой горечью, так будто кто-то раздавил в ладони горсть полыни. Я ежусь, застегиваю джинсовку до горла и иду. Пешком. Три остановки на автобусе — это ждать двадцать минут, потом ехать пятнадцать в салоне, где пахнет чужим потом и химической лавандой освежителя. Пешком выходит где-то двадцать пять. Ноги идут, голова отдыхает.

В наушниках бормочет подкаст про городскую архитектуру, это я так готовлюсь к завтрашнему семинару. Надо бы и за курсовую сесть, и конспекты пересмотреть, а то у меня в тетради три строчки и рисунок кота на полях. Голос диктора убаюкивает. Как им так удается так монотонно читать текст, что слова про «модерн» и «лепнину» пролетают мимо. А ведь я люблю архитектуру.

Но в голове упорно крутится свое. Про интернет и еду в холодильнике. Это я так пол пакета кефира и вчерашний рис, окрестила “едой”. Затем приходит мысль, что через три недели сдавать курсовую. У меня написана какая-то жалкая треть, а то и меньше. Вспоминаю, что мама звонила сегодня. Я конечно перезвонила на перерыве, но она не взяла трубку и потом не перезвонила. Надо еще ее набрать, а то вдруг что-то случилось. Но не сейчас. Завтра. Или послезавтра, если не забуду.

Все таки у меня четвертый курс, а еще подработка, и как следствие вечный недосып. Всё как у всех. Ничего героиче-

ского. Даже скучно.

Сворачиваю в парк. Всегда так хожу, по этому маршруту. Короткий путь. Красивая липовая аллея, деревянные скамейки, фонари светят через один. Свет от них ложится на дорожку рваными жёлтыми пятнами. Образующиеся тени между ними густые, плотные, почти осязаемые. Я иду быстро, почти маршевым шагом, и считаю трещины в плитке. Раз. Два. Три. Семнадцать. Двадцать четыре. Глупая игра, но работает. Ещё с детства так делала, когда страшно, не хило так отвлекает. Не думаешь о том, что за спиной темнота. Что в темноте шевелится листва. Или кто-то стоит. А может, и не стоит, и это лишь моё богатое воображение. Но проверять не хочется. Страшно.

Лера, успокойся! Это ветер. Это просто ветер, а не шелест листьев под ногами.

И тут я останавливаюсь.

Тело замирает, будто кто-то нажал паузу. Подкаст в ухе всё ещё бубнит про карнизы и пилястры, а я смотрю вперёд, на пустую скамейку под фонарём, и по затылку ползёт холод. Это страх. Вернее, не совсем. Это животный ужас. Тот, который возникает в теле, а ты не можешь понять, чего боишься. Конечности перестают слушаться. Впереди скамейка.

Моргаю.

Скамейка пуста. Липы шумят. Где-то далеко гудит проспект, переполненный машинами, и звук этот кажется нормальным, живым, городским. Именно он то возвращает мое

сознание в тело.

— Идиотка, — говорю я вслух, чтобы услышать свой голос и успокоиться. Не помогает. Голос звучит хрипло и жутковато в тишине аллеи. Пугает еще сильнее, чем пустая скамейка, на которой словно бы только что кто-то сидел и смотрел на меня. Но ведь я же видела, что она была абсолютно пуста.

Поправляю лямку рюкзака. Иду дальше, уже быстрее. Еле сдерживаюсь, чтобы не побежать. Сердце колотится где-то в горле, не давая нормально дышать. Двадцать один год. А я шарахаюсь от теней, как в семь лет, когда казалось, что за шторой кто-то дышит, а в шкафу сидит монстр и шкребётся по двери.

За парком начинается моя улица. Обычные пятиэтажки, аптека, продуктовый с вывеской, где буква «П» перегорела ещё весной и теперь там гордо значится «РОДУКТЫ». Здесь всё знакомое до безобразия. Место, которое я считаю домом, а значит, оно безопасно.

Достаю телефон, чтобы проверить время. Без десяти двенадцать. Набираю код на подъездной двери. Она пикает и я тяну ее на себя. Еле сдерживаюсь, чтобы не оглянуться. В подъезде пахнет краской и кошками. Бегу наверх по ступеням. Третий этаж. Два оборота ключа. Кроссовки в угол. Выдыхаю. Иду на кухню. Ставлю чайник. Снова выдыхаю. Кажется, успокаиваюсь.

Обычный вечер. Завтра смена. Потом семинар. Потом

курсовая.

Ещё один вечер в моей обычной жизни. Всё как всегда.

****

А на скамейке под фонарём, там, в парке, ещё несколько секунд держится след. Не отпечаток подошвы — что-то другое. Вмятина в рыхлой земле, глубокая, будто кто-то очень тяжёлый стоял там и смотрел мне вслед.

Потом ветер шевелит опавшие листья. И вмятина исчезает.

Словно её и не было.

Знакомтесь с героями и атмосферой книги

Глава 2.

Будильник орёт в полседьмого, как будто его лично наняли мои враги.

Я вскакиваю на третьем звонке, потому что первые два считаются разминкой для слабаков, и первым делом здороваюсь с бабушкиной квартирой. Вслух, да. С тех пор как я осталась здесь одна, у меня появилась эта дурацкая привычка: «Доброе утро, пол. Доброе утро, герань. Доброе утро, коврик, не подставляйся».

Квартирка маленькая. Находится в пятиэтажке-хрущёвке. Принадлежала бабушке. Ей, ее на заводе выдали в свое время. В ней вырос папа. Пахнет здесь так, как пахло в детстве, когда мы с папой приезжали в гости. Старыми книгами, мятой и чуть-чуть валерьянкой. На подоконниках герань в коричневом горшке. На стене ковёр, не с оленями, но со знакомым геометрическим рисунком по которому я в свое время водила пальцем, перед тем как уснуть. В серванте стоит хрусталь, который, по “завету” предков нельзя трогать. Я и не трогаю, только всё равно протираю его раз в месяц, потому что бабушка велела. Я вообще много чего делаю «потому что бабушка велела». Мне кажется, что так проще жить. А самое главное ощущается все так, будто бы она рядом и жива.

На кухне, между магнитиками, фотография папы. Он там молодой, смеётся, держит меня на шее. Я целую палец и при-

кладываю к стеклу.

— Доброе утро, пап.

И тут же, как всегда после этого, приходит вспышка воспоминаний.

секунда и вот уже перед глазами появляется резко картинка, будто кто-то чиркнул спичкой по коробке.

«Запах мокрой земли и хвои. В воздухе низкий гул, от которого вибрируют рёбра. Периферическим зрением вижу чью-то тень между деревьями. Она огромная. А папин голос разрывает барабанные перепонки. Я никогда не слышала его таким. Он кричит: „Беги"».

Я моргаю, и вспышка гаснет, а ложка звякает о кружку. Я снова на кухне, а не в лесу. На плите шипит убежавшая овсянка, герань стоит на своем месте и папа с фотографии как всегда смеётся.

— Не сегодня, — говорю я себе. — Сегодня у нас по плану хорошая жизнь.

И это правда. Я не из тех, кто киснет. Характер у меня, по маминому выражению, «с шилом в одном месте», по папиному: «двигатель прогресса». Оба были правы. Если я начну складывать в голову всё плохое, что со мной было, я просто не встану с этой кухни. А мне надо встать, потому что пора на работу.

Утренняя рутина: овсянка, банан, чай из бабушкиной чашки с золотой каймой, и так по кругу. И снова: душ, хвост, джинсовка, рюкзак. В семь двадцать я уже бегу по двору, пе-

репрыгивая через знакомые трещины в асфальте, и на ходу кричу соседке тёте Вале:

— Доброе утро! Коту привет!

— И тебе, Лерочка! — орёт тётя Валя с балкона. — Опять бежишь! Смотри замуж так не выйдешь, муж просто тебя не догонит!

— А я сначала на работу, а замуж потом!

Смеюсь, машу рукой и сворачиваю за угол.

Утро пахнет сентябрём: холодом, листвой и бензином. Город просыпается, и я вместе с ним. Мне нравится это время: ещё никто не успел никому нахамить, маршрутки полупустые, солнце только-только вылезает из-за крыш, будто тоже опаздывает на смену.

Утренняя смена в кофейне это отдельный вид спорта.

К семи сорока у стойки уже очередь из вечно сонных и вечно спешащих. Я влетаю в этот поток, как в реку, и дальше тело работает само: рожок, таблетка, трамбовка, молоко, крышка, имя на стаканчике.

— Павел Маркович, вам как всегда? — кричу я, не глядя.

— Как всегда, деточка, — басит из очереди пенсионер с кроссвордом. — Американо. И не вздумай опять написать на стакане «ПавелМ» с сердечком, я человек серьёзный.

— Серьёзный человек с сердечком, — бормочу я и рисую сердечко.

Дашка, которая сегодня тоже с утра, фыркает и кидает в меня скомканной салфеткой. Она, между прочим, «старший

бариста», то есть кидается салфетками по регламенту. Но выше по должности она только по документам, а так мы все выполняем одинаковые функции, так что все наравне.

— Лер, у окна твоя женщина с корги! — кричит она.

— Уже бегу!

«Моя женщина с корги» это Инна Сергеевна, бухгалтер с соседнего бизнес-центра, и её корги по кличке Батон. Батон — единственный пёс в городе, который презирает всех, кроме меня. Я выношу ему собачье печенье из банки «для особенных гостей», и Батон делает вид, что снисходит до моего общества и, естественно, до печенья.

Но сегодня что-то не так.

Батон не берёт печенье. Он сидит у окна, шерсть на холке дыбом, и из его груди идёт низкий, утробный рык. Инна Сергеевна краснеет и тянет поводок:

— Батон! Фу! Батон, что с тобой?!

Я приседаю рядом, протягиваю руку:

— Батоша, ты чего?

Корги не смотрит на меня. Он смотрит в окно. Туда, где через улицу, у самого края тротуара, сидит собака. Большая, чёрная, с прямой спиной. Не дворовая. Таких дворовых не бывает. Она слишком крупная и слишком спокойная. Сидит и смотрит на нашу витрину. На меня.

— Чья это? — шепчет Инна Сергеевна.

— Понятия не имею, — говорю я. –Раньше ее здесь не было.

Моргаю и чёрной собаки нет. Просто нет: тротуар пуст, только лист крутится по асфальту. Но она там точно была. Ее и Инна Сергеевна видела.

Батон взвизгивает и прячется за хозяйкины ноги. У меня по затылку ползёт знакомый холод, тот самый, вчерашний, из парка.

— Показалось, — говорю я вслух. Слишком быстро, чтобы это было правдой.

Дашка выглядывает из-за стойки:

— Лер, ты чего там застыла? У тебя рожок течёт!

— Бегу! — отзываюсь я и улыбаюсь Инне Сергеевне самой своей беззаботной улыбкой. — Печенье оставлю, вдруг Батон передумает. Он у вас гурман.

Смеёмся. Разъезжаемся по своим делам. Но холод с затылка не уходит до конца смены.

В институт я влетаю за четыре минуты до звонка. В руке пустой стаканчик, подмышкой конспект, который я так и не открыла пока ехала в автобусе. Снова о чем-то думала.

Архитектурный факультет занимает старое здание с высокими окнами и скрипучими полами, и я это здание люблю, честное слово. Даже когда оно скрипит, так словно хочет намекнуть нам, что ему не мешал бы апгрейд. К сожалению финансирование не позволяло сделать ремонт и поэтому мы наслаждались старой архитектурой и скрипучими полами.

Первая пара история архитектуры, вторая по градостроительству. Я сижу на своём законном месте у окна. Рисую в

тетради колонны, хотя больше конечно дорисовываю кота, и жизнь мне кажется вполне сносной. Курсовая, правда, по-прежнему написана на треть, потому что я за нее не садилась. Но как поется в песне, что так любила бабуля: “эту неприятность, мы переживем”. Я всё переживу. Я вообще живучая.

Раздается долгожданный звонок и на перерыве мы с Милой и Настей оккупируем подоконник в коридоре. Все знают, что это наше официальное место заседаний. Мила, высокая, рыжая, со смехом, от которого оборачиваются. Настя же маленькая, в очках, знает всё про всех и ещё немного сверху.

— Так, — говорит Настя, понизив голос, — вы их сегодня видели?

— Кого? — Я откусываю булку. Кажется я что-то пропустила.

— Новеньких, — Мила закатывает глаза. — Лера, ты где витаешь? Они же уже неделю тут ходят. Великолепная трио. Перевелись к нам, на заочное-очно-вечернее, я не поняла, короче, просто появились и всё.

— И живут за городом, — добавляет Настя. — В «Сосновом». Слышала про такой? Коттеджный поселок элитный. Там дома строят, как крыло самолета.

— Почему? — спрашиваю я.

— Не знаю! — Настя сияет очками. — Говорят, места там заповедные. А еще говорят, там даже собаки не лают.

— Собаки, к слову, там лают, ещё и как. Вернее, воют, — фыркает Мила. — А я слышала, что это не посёлок, а

какая-то секта.

— Или закрытый клуб, — предлагаю я. — Я бы вступила.

— Тебя не возьмут, — Мила толкает меня локтем. — Смотри, вон они.

Я поднимаю глаза и булка застревает где-то в горле.

У противоположного окна стоят трое. Высокие. Широкоплечие. Такие широкие, что старое наше здание рядом с ними кажется картонным. Один, светлоглазый, со спокойным лицом человека, которому никогда никуда не надо. Второй, рыжий, вертится, скалится, но даже в его вертлявости есть что-то хищное, пружинистое. Третий, черноволосый, со шрамом над бровью, стоит чуть в стороне и смотрит в окно.

И в тот самый момент, когда я поднимаю глаза, все трое, одновременно, как по команде, поворачиваются ко мне.

Воздух в коридоре становится густым. Я не знаю, как это объяснить. Просто вдруг, в одночасье, как в парке вчера. Как будто кто-то нажал паузу. Шум голосов отдаляется, скрип пола пропадает, и остаётся только этот взгляд: три пары глаз, и от каждой по позвоночнику идёт холод.

— Ого, — шепчет Мила. — Они на тебя смотрят.

— Ещё как, — шепчет Настя. — Лера, ты им явно понравилась. Светлоглазый вообще не моргает.

— Поздравляю, — говорю я, и голос звучит бодрее, чем я себя чувствую. — Только мне таких поклонников не надо.

— Это почему? — возмущается Мила. — Они же как с обложки!

— Потому что это мажоры из элитного посёлка, — я отвожу глаза, но боковым зрением продолжаю видеть их. стоять неподвижные, как памятники. — А как известно мажоры не понимают слова «нет». У них вместо «нет» включается режим охоты. Спасибо, я постою в стороне.

— Ну ты и зануда, — смеётся Мила, но я вижу, что она тоже косится на них с опаской.

Светлоглазый чуть наклоняет голову, как будто прислушивается к чему-то, чего не слышу я. Черноволосый со шрамом вдруг кладёт ему ладонь на плечо, кажется, что-то говорит, и все трое разворачиваются и уходят. Мгновение, их и след простыл, словно и не было. Мистика какая-то.

— Странные они, — говорит Настя тихо. — Я рядом с ними как будто в холодильнике стою.

— Ага, — соглашаюсь я.

И думаю: держаться. Подальше. Как можно дальше.

После второй пары я выхожу во двор и сажусь на лавочку под старым клёном. Надо заполнить образовавшееся окно между сменами. Решаю немного поучить конспекты, и достаю тетрадь, но буквы плывут.

Смотрю вдаль, чтоб расслабить зрение, но вместо того чтобы расслабиться, перед глазами вспомнились те трое. Вернее светлоглазый. Его взгляд. У меня от этого взгляда, снова разливается холод по затылку. Ненавижу это чувство.

Почему-то он цепляет что-то внутри. Какое-то скрытое где-то далеко воспоминание. Что-то, что я давно похорони-

ла.

«Запах хвои и мокрой земли». Мне кажется я ощущаю это запах сейчас.

Боже, как же я не хочу вспоминать. Но память не спрашивает разрешения.

Мне только исполнилось семнадцать. Перешла в одиннадцатый класс. На дворе осень, такая же, как сейчас, только, мне кажется, еще холоднее. Мы с папой едем за город. Он обещал показать мне «одно место», говорил, там сосны до неба и тишина такая, что слышно, как растет трава. Я не хотела ехать и потому дулась всю дорогу. Дома меня ждал невыученный английский. Он мне не давался и потому каждый раз когда надо было его учить, настроение портилось. Папа же смеялся и крутил руль одной рукой, и в машине пахло его одеколоном. Хвоя и табак, хотя он не курил никогда, но запах этот нравился.

Потом машина заглохла.

Просто так. Посреди лесной дороги. Уже наступили сумерки и фары выхватывают стволы. Дальше ничего не видно, темнота.

На удивление, папа не ругается и не ворчит. Это первое, что неправильно. Папа всегда бурчит себе под нос бессвязные ругательства, когда машина глохнет.

— Сиди, — говорит он тихо. — Дверь на замке. Не выходи.

— Пап, ну что ты…

И тут я вижу то от чего у меня волосы на затылке зашевелились. В полосе фар, у самой кромки света, глаза. Жёлтые,как у зверя. Расположены на уровне фар, но сами по себе они слишком крупные для зверя.

Одна пара. Вторая. Третья.

Гул вокруг. Я бы даже сказала какое-то давление. У меня вибрируют рёбра, от этого звука.

Папа выключает фары. Он уже понял, что я увидела эти жутки глаза.

— Папа!

— Тихо, — его рука прижимает мою голову к сиденью, словно хочет чтоб я присела и спряталась, как в детстве, когда он видел впереди на трассе гаишников. — Тихо, Лера. Не дыши.

Вдруг удар в бок машины. Такой сильный, что весь мир подпрыгивает. Затем второй. Когда раздается скрежет металла, папа кричит мне:

— Беги.

Я не успеваю. Если точнее, я помню лишь как лопнуло стекло и меня обдало осколками. Затем боль в виске и темнота.

Дальше, белые пятна. Больница, белый потолок и спокойный, я бы сказала равнодушный голос врача: «…психика защищается… блок памяти… это пройдёт. Или не пройдёт. Но лучше так, понимаете? Она же была рядом и все видела. Мозг спрятал то, что не должен видеть ребёнок».

Я не считала себя ребенком. Семнадцать лет это уже далеко не детский возраст. Но мозг решил иначе.

Похороны были в закрытом гробу, но меня на них не было. Я еще была в больнице, когда хоронили папу. В справке написано: «дорожно-транспортное происшествие». Машина, мол, съехала в кювет и тело постардало именно из-за этого. А я якобы вылетела через лобовое стекло. Я читала эту справку сто раз и сто раз видела в ней дыру размером с лесную дорогу, с жёлтыми глазами и со словом «беги».

Мама не объяснила ничего.

Я спрашивала. Один раз, на кухне, когда мы остались вдвоём:

— Мам. Как он погиб? На самом деле, а не то что в справке. Я же знаю, что там вранье. Скажи честно.

Мама долго молчала, а потом сказала фразу, которую я помню до сих пор, дословно:

— Тебе лучше не знать. И лучше уехать отсюда.

— А ты?

— Кто-то должен ухаживать за могилой твоего отца, Лера. Поэтому я останусь. А ты уедешь. И не спрашивай больше ни о чем и никогда.

— Почему ты не скажешь мне правду?

— Потому что с этой правдой не живут, — ответила она. И всё. Занавес.

Когда я поступила, я ещё раз предложила ей переехать вместе. Она обняла меня, от неё пахло валерьянкой, и ска-

зала: «Кто-то должен остаться. Мне нужно ухаживать за могилой отца». Я уехала одна. В бабушкину квартирку. С геранью, ковром и фотографией папы на кухне.

Я не держу на маму зла. Она просто сломалась тогда, а я — нет. Мы по-разному живучие. Я выбрала жить. Она выбрала сторожить.

Клён шуршит надо мной. Я трясу головой, как пёс, отгоняя воспоминания и тяжелые мысли и говорю себе:

— Всё. Хватит. Живём дальше.

Булка доедена. Конспект открыт, но не выучен. Зато кот в тетради дорисован. Через два часа, вечерняя смена, и если я хочу курсовую когда-нибудь дописать, то писать её я буду в перерывах между «капучино» и «мне без сахара, девушка, вы меня слышите».

Слышу. Я всех слышу.

Вечерняя смена начинается бодро, а к девяти кофейня затихает: студенты с ноутбуками, пара влюблённых у дальнего стола, старушка с книжкой, она приходит за «тем самым какао» и читает нам вслух детективы. Все же будний день и народа не так как в выходные. И не смотря на все это я люблю эти часы. Город за окном зажигает огни, и витрина горит тёплым пятном на тёмной улице.

Без пятнадцати одиннадцать дверь звякает.

Я поднимаю голову от кассы, и внутри всё тихо сжимается.

Черноволосый. Со шрамом над бровью. Тот самый парень

из института.

Он неспешно подходит к стойке и останавливается напротив меня. Вблизи он ещё больше. Плечи широченные, и кажется что он в дверь боком входил. Пахнет от него хвоей. И ещё — мокрой землёй.

— Здравствуйте, — говорю я. Голос ровный. Я профессионал. — Что вам?

— Чёрный кофе, — отвечает он. Голос низкий, с хрипотцой. — Без сахара. Без молока. Без всего.

— Без всего, — повторяю я механически и приступаю к приготовлению. Ловлю себя на том, что руки не дрожат. Хмм. Это уже хорошо. — Ещё что-нибудь?

Он не отвечает. Всматривается в меня. Не на лицо, а выше, как будто читает что-то у меня на лбу. И ноздри его чуть заметно дрогнут, как будто он… нюхает?

— Вы домой через парк ходите? — спрашивает он вдруг.

Я замираю с крышкой в руке.

— Простите? – переспрашиваю, чтобы дать себе время осознать его вопрос.

— Через парк, — в интонации нет вопроса, исключительно утверждение и мне то очень не нравится. — Липовая аллея, под деревьями деревянные старые скамейки, и еще фонари.

Холод по затылку. Откуда он знает?

— Есть такая дорога, — говорю я осторожно. Не опровергаю и не подтверждаю. — А что?

— Ничего, — он смотрит мне в глаза, и в его глазах мелькает что-то странное. Не похоть, не наглость, которые я ждала от мажора. Настороженность. И ещё, жалость? — Просто совет.Можете конечно ему не следовать, – усмехается парень. – Ходите по улице. Желательно по освещённой.

– Почему, – вопрос вылетает из меня, быстрее чем я успеваю сообразить.

– Парк сейчас… не для вас, – и снова на лице хищная усмешка.

— Спасибо, — я улыбаюсь самой вежливой из своих улыбок. — Я как-нибудь сама разберусь со своими маршрутами.

Он криво улыбается. Уголком рта, при этом в глазах ни капли веселья.

— Упрямая, — говорит он так тихо, что я почти не слышу. — Вся в него.

— В кого — в него?

Но он уже отстраняется от стойки, берет стаканчик, бросает на кассу купюру. Заплатил больше, чем надо, и идет к двери. У самой двери останавливается, не оборачиваясь:

— До встречи, Лера.

Дверь звякает. Колокольчик покачивается.

Я стою и смотрю ему вслед. Потом опускаю глаза на грудь. Бейджик. Точно!

«Лера». Ну да. Бейджик. Конечно же, бейджик.

Только он ни разу не посмотрел вниз. Ни разу.

Закрываюсь я в полдвенадцатого. Снова Дашка убежала

на свидание, а у Кристины еще гостит мама, которая упорно пытается научить ее как жить, не смотря на то, что Крис так же упорно сопротивляется. Снова я снимаю кассу, и дергаю ручку двери, проверяя закрыта ли она.

Иду домой по улице. Перед поворотом в парк с липовой аллеей, замираю. Очень хочется свернуть, чтобы сделать назло, но я же не ребенок. Я понимаю, что доля истины в словах черноволосого есть. Не стоит испытывать судьбу, поэтому идут по освещенной улице. Ну и пусть так будет чуточку дольше. Скажем так, я решила просто подольше насладится приятным вечером, а не потому что, какой-то странный паренек решил что имеет право мною командовать и раздавать советы.

И вообще город ночью, мой. Я его знаю, как свои пять пальцев. Вот аптека, вот «РОДУКТЫ», вот двор, где тётя Валя кормит трёх котов и одного голубя по имени Гоша. Я иду и напеваю под нос, и фонари кивают мне желтыми головами.

Но где-то на середине пути я достаю телефон. Посмотреть время, проверить уровень батареи. Так, на всякий случай. Взгляд цепляется за оповещение из новостной ленты и вчитываюсь в броский заголовок: «Жители коттеджного посёлка „Сосновый" вновь жалуются на вой по ночам. Администрация просит не кормить диких животных».

Под постом куча комментариев: «Это не волки. Волки людей не трогают. А ЭТО ходит вокруг посёлка каждую ночь».

Я фыркаю. То же мне неженки. Вой им мешает. Ну да.

Привыкли в своем элитном-то посёлке к тишине. Наверное, у кого-то хаски сбежала и скулит, а они из мухи слона раздули. Мажоры.

Вот только почему-то от этих слов «каждую ночь» по спине идёт холод.

Вот уже и мой дом. Ставшим за эти годы родным третий этаж. Привычные два оборота ключа. И снова кроссовки в угол. Чайник на плиту. Любимая бабушкина чашка. Оказывается я раб привычек. И вот, я уже стою у окна, пью чай и смотрю на свой двор. Голубь Гоша спит на карнизе, хотя, может это и не он. Уличный фонарь горит привычным желтым светом. Как говорится, всё спокойно.

И тут фонарь мигает.

Раз. Два.

Под ним, на асфальте, сидит собака. Большая. Чёрная. С прямой спиной. Слишком прямой для собаки. Она кажется чужеродной в нашем дворе. У нее плечи широченные, как у телёнка, голова поднята, и шерсть под жёлтым светом отливает серебром.

Неужели волк? Волк в моём дворе? Мелькает абсурдная мысль.

Я снова всматриваюсь. Хотя нет — собака. Просто очень большая. Очень…

Та самая.

Я узнаю её по посадке головы. Это та, что утром сидела через улицу от кофейни, на которую рычал Батон.

Собака поднимает морду. И смотрит на мои окна.

На меня.

Я не двигаюсь. Чашка застывает на полпути к губам. Её глаза, даже с третьего этажа, даже через стекло, я вижу, желтые, как у зверя. И при этом умные. Слишком умные для собаки.

Мы смотрим друг на друга секунды три. Потом собака встаёт, неспешно, без суеты, и поворачивает голову к арке. Как будто проверяет: не идет ли кто? И идёт в темноту. Не бежит. Не крадётся. Идёт. Будто двор принадлежит ей.

Фонарь мигает в третий раз, и собаки нет. Будто и не было.

Я отхожу от окна. Сердце стучит через раз. Я оказывается даже дыхание задержала. Я даже смеюсь тихо, в пустую кухню:

— Лера, ты просто устала. Так реагировать на простую собаку. Это просто…

За стеклом, в темноте двора, кто-то коротко и низко воет.

Один раз.

И замолкает, как будто его позвали.

Я выключаю свет. И, честно сказать, в эту ночь засыпаю, не глядя в телефон, а прислушиваясь к тому, что происходит на улице. Словно жду, когда меня позовут.

Напишите, вам нарвится такой формат, когда после глав идут визуалы, или у всех с воображением все хорошо и картинки только портят личное представление ?

Глава 3.

Неделя проходит в ритме, который я люблю: смена на работе, пары в институте, снова рабочая смена, и периодически встречи с друзьями. Я вообще считаю, что жизнь удалась, если в ней есть друзья, смех и хотя бы три часа сна подряд. У меня есть все три пункта. Ну, почти. Эта мысль заставляет меня улыбнуться.

В субботу мы с Милой и Настей сходили в кино, на комедию. Потому что драм нам и в жизни хватает. Мила смеялась так, что на нас оборачивался весь зал, и итоге нам даже сделали замечание. Хотя мне кажется глупым, делать замечание за смех при просмотре комедии. Настя же зажимала себе рот ладонью, чтобы не ржать, аки конь. Я же ела попкорн и наслаждалась моментом. Вот оно, счастье. Дешёвое, хрустящее, но счастье.

В воскресенье, у меня по плану прогулка. Не в моём парке. Все же слова темноволосого въелись в подкорку. Поэтому гуляла в «безопасном» парке, как я его про себя назвала. Там, между прочим, фонари горят все до одного, и аллеи, хоть и не липовые, но широкие. Мы берём шаурму, усаживаемся на лавочку, и Настя рассказывает нам про нового преподавателя по конструкциям. У него, по её сведениям, «голос как у диктора, а характер как у кактуса». Она всегда смешно охарактеризовала людей, но всегда очень метко. Хо-

хочем так заразительно, что даже старшка что гуляла с собакой улыбнулась.

Все это, наша обычная жизнь. Кому-то она может показаться скучной, но она моя любимая.

Но.

Всегда есть это противное “но”.

Я всё время чувствую взгляд.

Тяжелый, терпеливый. Я все время оборачиваюсь, чтобы поймать того, кто так пристально меня изучает, но не вижу никого. Вокруг все как обычно. Толпа, витрины, голуби. Просто город.

Может быть я просто устала? Просто…

Началось это с воронов. Я заметила их в понедельник: трое сидели на проводах ровно над моей дорогой в кофейню. Во вторник, уже пятеро, и все головы повернуты в одну сторону. В мою. В среду я не выдержала и сказала вслух: «Ребят, я не булка». Вороны молча перегруппировались и полетели за мной. Я даже усмехнулась, что у меня есть охрана, но это скорее выглядела как шпионаж. Головой понимала, что это несусветная чушь, но отогнать эти мысли не могла.

А вот после кино, когда уже миновали выход и были на входе в парк, я обернулась. Через улицу, под фонарем, стоит собака. Большая. Чёрная. С прямой спиной.

Сердце делает кувырок.

— Ты чего? — Мила прослеживает мой взгляд и щурится. — Собака? Ну собака и собака.

— Ага, — говорю я. — Просто большая.

— Да ладно, — Мила машет рукой. — Это ж не волк. Пойдём, Настя уже маршрутку высмотрела.

Я иду. Но спиной, спиной чувствую, как чёрная собака смотрит мне вслед. И ещё чувствую, а может накручиваю сама себя и придумываю, как в темноте, между фонарями есть кто-то ещё.

— Лер, ты всю неделю какая-то дерганая, — замечает Мила в маршрутке. — Ты чего?

— Сессия приближается, — отшучиваюсь я. — Она на всех так действует.

— Сессия через два месяца.

— Вот я заранее и тренируюсь нервничать.

Мы смеёмся, но мне не до смеха. Поздно вечером, в бабушкиной квартирке, я дважды проверяю замок на входной двери и один раз балконную дверь. А потом я лежу и ругаю себя вслух, потому что я не из тех, кто боится. Просто эти вороны, собаки, мигающие фонари. Становится жутко и страшно и смеяться уже не хочется почему-то.

Новенькие теперь ходят по расписанию. Это Настя вычислила, конечно. Настя вообще считает, что любая система, улика.

— Смотри, — шепчет она мне на перемене, кивая в сторону холла. — Утром они у входа. В обед, в столовой, дальний стол. Вечером у выхода. Каждый день. Как будто у них график или дежурство.

— Может, у них пары так стоят? — предполагаю я.

— У них нет пар во второй половине дня, я проверяла, — отрезает Настя. — Они просто стоят. И смотрят. На тебя, – и девушка многозначительно играет бровями.

Я не оборачиваюсь. Я и так знаю, что там. Светлоглазый со своим спокойным лицом. Рыжий, который вертится, как ртуть. И черноволосый Марк, тот самый, что приходил в кофейню и советовал мне не ходить через парк. Я их даже не вижу, я их чувствую. Как чувствуешь, когда на солнце стоишь: вроде не смотришь, а тепло.

— Лера, — Мила понижает голос, — ну честно. Они за тобой ходят, что ли?

— Мажоры развлекаются, — я пожимаю плечами и откусываю булку. Булка, кстати, сегодня невкусная. — У них, может, ставки: кто первым со мной заговорит.

— И кто выиграет? — хихикает Мила.

— Никто, — говорю я. — Потому что я не разговариваю с мажорами. У них вместо «нет» включается режим охоты, а я не дичь.

Смешно. Почти. Но слово “дичь” наводит на нехорошие размышления.

Потому что вечером, на выходе, я ловлю на себе взгляд светлоглазого. И я не могу его расшифровать и это тоже пугает. Мне кажется, я разливаю в нем настороженность. Как у человека, который стоит на посту. И ещё жалость? Откуда им меня жалеть, я их даже не знаю.

Держаться подальше, напоминаю я себе. Как можно дальше.

А в кофейне тем временем произошла революция.

Тимур, наш управляющий, молодой, бородатый, с планшетом и вечным огнём в глазах, собирает нас перед сменой и объявляет:

— Так, банда. Новая точка роста. Доставка десертов!

Мы молчим. Дашка первой находит слова:

— Тимур, у нас даже курьеров нет.

— Верно! — Тимур сияет, как будто это аргумент в его пользу. — Поэтому доставляете вы. Зато я купил транспорт!

Он распахивает дверь подсобки, и мы видим его. Красный. Блестящий. С облупленным зеркалом и запахом бензина. Это скутер. Бывший в употреблении и по царапинам видно, что жизнь у него была бурная.

— Это… мопед? — спрашивает Кристина с надеждой, что это не мопед.

— Это скутер! — гордо поправляет Тимур. — Ретро-стиль. Девочки, это же золото: доставка за тридцать минут, средний чек растёт, лояльность…

— Тимур, — Дашка поднимает руку, как на партсобрании. — У меня нет прав. Я даже на велосипеде последний раз ездила в девятом классе, и то с горки и с криком. Потом месяц в больнице лежала.

— У меня тоже нет, — быстро говорит Кристина. — И я его боюсь. Он рычит.

— Он не рычит, он урчит! — Тимур поворачивается ко мне. И смотрит. И тут головы всех, как по команде поворачиваются и теперь уже все смотрят на меня.

— Нет, — говорю я.

— Лерочка, — Тимур включает голос, которым уговаривает поставщиков скинуть цену на сироп. — Ты же у нас одна с правами. Я в личном деле просмотрел. Категория «Б». Это же почти «М». Это же…

— У меня категория «Б» на машину, а не на… — я тычу пальцем в скутер.

— Категория «Б» включает «М»! — победно объявляет Тимур. — Я проверял! Лера, ну пожалуйста. Я тебе доплачу за доставку. Процент с каждого заказа твой.

Процент с каждого заказа. Я смотрю на скутер. Скутер смотрит на меня облупленным зеркалом. Деньги мне нужны всегда. Да кому они не нужны. Впереди зима, а у меня куртки теплой нету и ботинки только осенние.

— Ладно, — вздыхаю я. — Но если я упаду, я скажу всем, что это был твой скутер и твоя идея.

— Это и так моя идея! — радуется Тимур.

И понеслось.

Первые доставки это было отдельное удовольствие, если честно. Город, ветер бьет в лицо, коробка с чизкейками пристёгнута резинкой. Я привожу десерты в бизнес-центр, и охранник дядя Толя говорит мне: «Барышня-курьер, вы как из кино». Я привожу медовик молодой маме, которая откры-

вает дверь с младенцем на руках и чуть не плачет: «Вы меня спасли.». Я привожу эклеры Павлу Марковичу, и он, серьёзный человек, рисует мне на салфетке сердечко и сует чаевые.

Жизнь налаживается. Вороны не кажутся уже шпионами, а просто воронами. Собаки больше не пугают, а просто с лаем несутся вслед за мной. С этим скутером я ощущаю какую-то свободу, что ли. Тимур разрешил мне даже на нем ездить домой, и теперь я не хожу по ночам по темным улицам и липовым аллеям.

Пока в один прекрасный вечер на сайт кофейни не падает заказ, от которого Тимур сначала тихо свистит, а потом орёт на всю подсобку:

— БАНДА! КИТ! КИТОВЫЙ КЛИЕНТ!

Мы сбегаемся на крик, а Тимур тычет в планшет:

— Смотри-смотри. Шесть чизкейков. Двадцать четыре эклера. Двенадцать медовиков. И трёхъярусный торт с пометкой «как у вас на витрине, только больше». Девочки, предоплата прошла. Доставка сегодня, до одиннадцати.

Я читаю адрес. И внутри всё сжимается.

Коттеджный посёлок «Сосновый». Улица Лесная, дом семь.

— Тимур, — говорю я очень ровным голосом. — Это же за городом. Я думала в “Сосновый” не ездит доставка, – бурчу себе под нос еле слышно. – Это же лес. Темнеть уже начинает, – добавляю уже громче.

— Лера, это же кит! — Тимур смотрит на меня, как на

дуру, которая не понимает своего счастья. А меня воротит от его эти словечек. Любит он их. Мне порой кажется он половину значения этих слов и не знает. — Там доставка оплачена в тройном размере. Тройном! – тычет он пальцем в небо, словно бы это самый веский аргумент. – Я бы сам поехал, но у меня поставщик где-то застрял, а Дашка с Кристиной… ну ты поняла. А потом сразу домой, – соблазнет меня мужчина. – Тебе же нравится ездить на скутере. Чего ты боишься? У тебя… — он делает паузу, — …у тебя характер. Ты же у меня несгибаема и живучая. Ну же.

Ага. Живучая. Да. Именно.

Я смотрю на адрес ещё раз. Дом семь. Посёлок, где живут новенькие. Что там настя про собак говорила? Не лают? А вокруг поселка что-то или кто-то ходит по ночам. Да уж, тоже мне "элитный" поселок.

Можно конечно отказаться. Сказать: я не поеду, и всё. Тимур конечно расстроится, но заставить он меня не имеет права, но "кит" уплывет к конкурентам.

А можно поехать. И самой все посмотреть. Потому что я, если честно, уже устала бояться того, чего не вижу. Лучше один раз съездить и понять, кто там за мной наблюдает, чем каждую неделю шарахаться от воронов.

Да и деньги. Деньги, чёрт возьми, тройные.

— Собирай коробку, — говорю я. — Поехала я в ваш «Сосновый».

Дорога за город это отдельное испытание для моего му-

жества.

Сначала всё нормально: городские улицы, фонари, машины. Потом город заканчивается, и начинается лес. Сосны по обе стороны, высокие и тёмные, а скутер мой тарахтит на всю эту тишину, как будто извиняется.

Я пою вслух. Громко и фальшиво. Голоса у меня нет и никогда не было. Про то, как «миллион, миллион алых роз». Это чтобы не думать, что лесная дорога это ровно то место, где четыре года назад…

Стоп. Не думать.

— Миллион, миллион… — ору я, и эхо честно подхватывает.

Солнце садится за деревья. Небо становится того самого цвета, который я ненавижу: чернильный с кровавым краем. И вот он поворот, а дальше шлагбаум за которой будка. Коттеджный посёлок «Сосновый», гласит вывеска.

Я торможу у будки. Из окошка выглядывает сторож. Старый, в вязаной шапочке, с лицом человека, который видел в этой жизни всё и ещё немного сверху.

— Куда? — спрашивает он.

— Доставка. Улица Лесная, дом семь.

Сторож молчит. Смотрит на меня. На коробки. На скутер. Потом медленно, очень медленно поднимает шлагбаум.

— Дом семь, говоришь… — бормочет он. — Ну езжай. Только не задерживайся там.

— А что так? — я стараюсь улыбнуться.

Сторож не улыбается в ответ.

—Да завелся зверь какой-то, девонька. Тут даже собаки не лают, гиблое место.

И я въезжаю.

Посёлок красивый. Это надо признать: сосны, дорогие дома, аккуратные дорожки, фонари под старину. Но тихо. Так тихо, что я слышу, как шуршат шины моего скутера, и это самый громкий звук вокруг. Нет бегающих детишек или идущих по улице дителей. И Машины не ездят. А про собак я вообще молчу. Их реально не встретилось мне ни одной. Настя была права: здесь не лают. В голову сразу же приходят картинки из фильмов ужасов.

Я еду по Лесной. Дом один. Дом три. Дом пять. Дом семь.

Большой дом из тёмного дерева, в два этажа, с крыльцом и окнами, в которых горит тёплый свет. Я ставлю скутер на подножку, беру коробки и иду к крыльцу. Звоню.

Дверь открывается почти сразу.

На пороге рыжий. Тот самый, из института. Только сейчас он не скалится. Он смотрит на меня так, будто я призрак.

— Ты… — он выдыхает. — Ты как сюда попала?

— Доставка, — я поднимаю коробки, чтобы он обратил на них внимание. Натягиваю на лицо. Голос ровный. Все таки я профессионал, думаю с гордостью. — Чизкейки, эклеры, медовики и торт «как на витрине, только больше». Получите, распишитесь.

Рыжий не берёт коробки. Он оглядывается через плечо,

потом снова смотрит на меня, и в его глазах что-то между паникой и восхищением.

— Ты понимаешь, куда ты приехала? — говорит он тихо. — Это наша территория. Сюда чужие не заходят. Сюда даже зверьё чужое не заходит.

— Я не зверьё, — говорю я. — Я курьер. У меня, между прочим, торт тяжёлый, моб бы и помочь.

Рыжий вдруг смеется. Развеселила я его своей наглостью.

— Упрямая, — говорит он. — Марк говорил. Я не верил.

— Все в курсе моей упрямости, я смотрю, — я начинаю терять терпение. —Ты возьмешь коробки или нет? Мне, межд прочим, ещё обратно ехать, а уже темнеет.

И в этот момент откуда-то из глубины посёлка, из-за деревьев приходит звук.

Низкий. Протяжный вой. И снова у меня вибрирует где-то под рёбрами.

Это не собачий вой. Его я знаю. У тёти Вали во дворе живёт овчарка. Этот другой. Как будто сама земля выдохнула.

Рыжий меняется в лице.

— Он возвращается, — шепчет он. — Всё, всё, уезжай. Быстро.

Он выскакивает и разворачивает мой скутер к дороге, затем хватает коробки, одновременно извлекая из кармана конверт и суя мне в руки.

— Конверт это оплата. Там всё и ещё сверху. Уезжай, Лера. И не оборачивайся. Что бы ни услышала не оборачивай-

ся, – напутствует меня парень.

— Да кто возвращается-то? — я уже завожу скутер, руки сами делают то, что надо. — Так вы же на сайте всё оплатили…

Но рыжий, кажется, не слышит. Конверт, который я пытаюсь ему вернуть, он игнорирует. Смотрит на меня. И впервые за всё время почти тепло:

— Хозяин.

Теперь все в обратной последовательности: калитка, дорога, фонари. Я еду. И, как мне и советовали, не оборачиваюсь. Честно, я держусь ровно до поворота. А на повороте ну а как иначе, я же Лера, я всё-таки не выдерживаю и оборачиваюсь.

У дома семь, на крыльце, стоит рыжий. А за его спиной, из темноты между соснами, на тёплый свет окон выходит силуэт. Высокий. Широкий. Он не спешит. Идет вразвалку. Он вообще не торопится. И даже через сто метров, даже в сумерках, я чувствую, как он поднимает голову и смотрит на меня.

Я добавляю газу.

На обратной дороге я выжала из этого малыша всё, на что он был способен. Слишком быстро для скутера, повидавшего жизнь, но мне было уже плевать. Молилась только, чтобы он не сломался посреди дороги. Это было бы просто ужасно. Лес мелькает, сосны кажутся страшными силуэтами, и я снова пою , но уже для храбрости.

К моей величайшей радости, вой больше не повторяется. Зато на границе леса и города, у последнего поворота, я вижу её.

Черную собаку. Она сидит у обочины. Прямая спина, серебряный отлив шерсти под фарами. Я голову могу дать на отсечение, это все одна и та же собака. Она не бросается. Она просто смотрит, как я проезжаю, и провожает меня глазами. А взгляд такой осознанный, осмысленный, словно это и не собака вовсе, а человек в собачьем обличье.

От одной только мысли, меня передернуло. И лезет же всякий бред в голову с перепугу, да еще и на ночь глядя.

Я естественно не останавливаюсь. Я проезжаю и тоже провожаю её взглядом. А что? Пусть знает, что я ее не боюсь. Мне отец всегда говорил, что животные чувствуют твой страх, а значит не нужно их бояться. А как только за спиной начинаются городские фонари, я облегченно выдыхаю.

— Ну всё, — говорю я себе вслух. Это уже стало дурной привычкой, разговаривать самой с собой. — Всё. Больше никаких китовых клиентов. Пусть Тимур сам шурует в этот “Сосновый”, у него между прочим, тоже права есть.

В кофейню не заезжаю. Тимур предупредил, что за заказ отчитаюсь завтра, и после доставки могу ехать домой. Так что я ставлю скутер во двор своего дома, поднимаюсь на третий этаж, закрываю дверь на два оборота и только тогда вспоминаю про конверт. Зачем он мне его дал? Все же было оплачено онлайн. Может этот рыжий не знал, что все оплачено?

Надо будет завтра в институте найти его и вернуть конверт, но сперва проверить что там.

Открываю.

Деньги. Много. Пересчитываю и присвистываю. Значительно больше, чем тройная доставка. Ровно столько, сколько я зарабатываю в месяц.

И записка.

Плотная бумага, крупный, четкий почерк, как будто писал человек, который не привык писать. Привык приказывать.

«Заказ был предлогом. Я хотел посмотреть, как ты въедешь в мой лес. Ты не убежала сразу — это хорошо. Ты смелая, Лера. Мне нравится.

Не бойся темноты. Темнота тебя не тронет. Бойся меня.

P.S. Ты слишком мало ешь и слишком много пьешь кофе. Купи себе нормальный ужин. Это приказ».

Подписи нет.

Вместо подписи через весь лист, три глубокие параллельные царапины. Как от когтей.

Я сижу на кухне, держу записку двумя пальцами, и внутри у меня холодеет. Но после первого порыва страха поднимается злость. Хорошая, злая, живучая злость. Папина.

«Это приказ», надо же. Ну рыжий, берегись! Или может это послание не от него? Тогда от кого? От того, от кого он меня предостерег? От того, кого он назвал “хозяином”?

— Слушай меня, “хозяин”, — говорю я вслух, в пустую кухню и стараюсь чтобы в голосе было побольше язвительно-

сти и поменьше страха и растерянности. — Я не знаю, кто ты. Но когда мы встретимся, а мы встретимся, я это чувствую, я тебе это письмо кое- куда засуну и протолкну поглубже.

За окном, далеко, на самой границе города и леса, кто-то коротко и довольно воет. Я вздрагиваю от этого звука.

Как будто услышал.

Дорогие мои читатели, не забывайте ставить "мне нравится", подписываться на автора и писать комментарии к книге! Для меня это очень важно!

Так же хотела бы сообщить, что книга выходит в рамках литмоба

"Мой ненавистный альфа" 18+

и все книги можно найти по ссылке.

https://litnet.com/shrt/UE8i

_____

Продолжаю публиковать арты к главам. Я рада, что не встретила негатива, так как мне самой очень нравится. (и я снова жду от вас обратной связи, как вам арты. И конено же если есть косяки, говорим, попробуем исправить)

Глава 4.

Я просыпаюсь с одной мыслью. Она так и лежит на кухонном столе — рядом с запиской и деньгами.

Почти всю ночь я не спала. То есть спала, конечно, — у меня талант засыпать где угодно и когда угодно, — но сон был рваный, как старый свитер. Мне снился вой. Черная собака с умными глазами. Силуэт на крыльце дома семь — высокий, широкий, неспешный. Во сне он не гнался за мной. Просто стоял и смотрел, как я уезжаю. Это было страшнее любой погони.

Сейчас семь утра. Я сижу на кухне, передо мной бабушкина чашка с золотой каемкой, рядом — конверт. Я ещё раз вытряхиваю содержимое на стол, будто за ночь оно могло измениться.

Деньги. Много. Месячная зарплата с кофейни, аккуратно пересчитанная, будто мне ее выдали в бухгалтерии.

И записка.

Я читаю ее в третий раз.

Я беру чистый лист и ручку и пишу. Почерк у меня, по словам Насти, «как у врача после третьей смены», но сейчас я стараюсь выводить каждую букву.

«Подачки не принимаю. „Приказы" оставь при себе — или отдай своим собакам, они, кажется, послушнее меня. Ужин куплю сама. И насчёт „бойся меня" — не льсти себе.

Я не боюсь. Я просто очень, очень зла.

Лера».

Перечитываю. Добавляю в конце: «P.S. Кофе пью сколько хочу».

Усмехаюсь. Аккуратно складываю деньги обратно в конверт, сверху — свою записку. Заклеиваю.

Сегодня у меня по плану вернуть деньги и обозначить границы.

В кофейню я приезжаю за час до смены. Специально.

Тимур уже здесь: стоит у подсобки с планшетом. Увидев меня, расплывается в улыбке:

— Лера! Чемпион! Кит доволен, клиент… э-э, клиентка… ну, в общем, всё прошло идеально! Я уже думаю, а не запустить ли нам доставку по тому району, а? Ты только представь: логотип, курьеры, масштабирование…

— Тимур, — перебиваю я. Голос у меня сегодня ровный, как асфальт после катка. — В «Сосновый» я больше не езжу.

Улыбка сползает с его лица медленно, как мороженое с вафельного стаканчика.

— В смысле? Лера, ну ты чего? Это же… это же какие деньги, ты понимаешь? Я тебе процент…

— Ни за какие деньги, — говорю я. — Ни за тройные, ни за пятерные. Хоть за десятерные. В «Сосновый» я больше не повезу ни одного эклера.

Тимур открывает рот. Закрывает. Снова открывает.

— Но… почему? Тебе там что, нахамили? Тебя там оби-

дели? Я могу позвонить, я могу…

— Никто меня не обидел, — я смотрю ему в глаза. — Просто не повезу. Всё. Это моё условие, Тимур. Хочешь держать меня с правами и скутером — город весь мой, вожу хоть круглосуточно. Хочешь «Сосновый» — вези сам.

Он смотрит на меня долго. Потом вздыхает так, будто я только что отменила ему новогоднюю премию.

— Ладно, — бормочет он. — Ладно. Не хочешь — не вези. Но кит… эх, кит уплывает, Лера.

— Пусть плывёт, — говорю я. — Киты в нашем пруду не водятся.

Из подсобки выглядывают Дашка и Кристина. У Дашки лицо человека, который пропустил половину сериала и теперь требует пересказа.

— Так, — говорит она. — Что там такого произошло в этом «Сосновом»?

— Ничего не произошло, — говорю я и натягиваю фартук. — Просто не повезу. И всё.

— Да что ты как партизанка! — Кристина всплескивает руками. — Там что, секта? Собаки? Мажоры тебя доставали?

— Девочки, — я достаю губку и принимаюсь за стойку, круг за кругом, как всегда. — Тема закрыта. Кофе варится, эклеры продаются, в «Сосновый» не ездим. Всё.

Они переглядываются. Дашка пожимает плечами: мол, отстань, видишь — не в духе. Кристина ещё секунду сверлит меня взглядом, но потом в кофейню заходит первая утрен-

няя волна, и всем становится не до расспросов.

Только Павел Маркович, забирая свой американо с сердечком, вдруг говорит тихо, совсем не своим басом:

— Ты это, деточка. Правильно делаешь, что не ездишь туда.

Я замираю.

— Почему, Павел Маркович?

Он пожимает плечами, разворачивает кроссворд и бурчит уже привычно-ворчливо:

— Да потому. Я в этом городе семьдесят лет живу. Лес за «Сосновым» — он, знаешь ли, не простой. Там раньше охотничьи угодья были. Старые. Очень старые. И хозяева у тех угодий — тоже старые. Не суйся, в общем.

И уходит, а я стою с рожком в руке и чувствую, как по затылку ползёт знакомый холод.

В институте я первым делом проверяю сумку. Конверт на месте. Лежит между конспектом по градостроительству и недоеденной с утра булкой. Символично.

На перемене мы с Милой и Настей по привычке оккупируем подоконник. Я дожевываю ту самую булку, слушаю, как Настя рассказывает про «диктора с характером кактуса», и краем глаза вижу их.

Троица. У противоположного окна. Как всегда. Арсений, Ян и Марк.

Их имена, к слову, торжественно объявила Настя, словно бы это была какая-то важная и супер секретная информация.

Светлоглазый Арсений стоит спокойно, как памятник самому себе. Рыжий Ян вертится и что-то говорит, размахивая руками. Черноволосый Марк смотрит в окно — но я уже знаю, что он смотрит не в окно, а на меня, просто делает вид.

— О, — говорит Мила, проследив мой взгляд. — Дежурная смена на посту. Интересно, кого они сегодня караулят?

— Тебя, — бурчит Настя. — Лер, ну честно, они же за тобой ходят всю неделю. Ты сегодня им все же что-то скажешь? Или опять будем делать вид, что мы их не замечаем?

Я дожёвываю булку. И вдруг понимаю: всё, хватит. Я устала делать вид. Устала бояться того, чего не понимаю. У меня в сумке конверт, в конверте — деньги и моя записка, и если я сейчас его не верну, я так и буду каждую ночь вздрагивать от каждого воя.

— Держите место, — говорю я и слезаю с подоконника.

— Лера, ты куда? — Мила аж привстаёт.

— Поздороваться, — говорю я. И иду.

Коридор замечает меня раньше, чем троица. Я иду сквозь шум, и шум стихает волнами, как будто кто-то выкручивает ручку громкости. Кто-то роняет ручку. Кто-то шепчет: «Это же Лера… она к ним… ты видел, она к ним идёт…». Я не оборачиваюсь. Иду ровно, спина прямая, сумка на плече. Сердце колотится где-то в горле, но лицо у меня — как у человека, который просто идёт по своим делам.

Троица замечает меня в последний момент, вернее делает вид, что только заметила, когда я в шаге от них.

Я вижу, как Марк напрягается, как его ладонь ложится на плечо Яну. Вижу, как светлоглазый чуть наклоняет голову — тот самый жест, будто он прислушивается. И вижу, как Ян расплывается в дурацкой, громкой, нарочитой улыбке.

— О-о-о! — орёт он на весь коридор, разводя руки. — Какая девушка! Сама к нам подошла! Парни, вы видели? Ко мне сама подошла девушка, а вы говорите, что рыжих девченки не жалуют.

Я останавливаюсь в шаге. Коридор молчит. Все смотрят.

— Вы что-то хотели? — продолжает Ян голосом конферансье. — Признаться в любви? Сунуть записку с сердечком? Ой, только не стесняйтесь, я такой, я могу, мне не впервой!

Он подмигивает. Громко. На публику.

И я понимаю: он делает вид, что не знает меня. Что видит впервые. Что это просто девчонка, которая подошла к симпатичному парню. Он превращает всё в спектакль для всего коридора.

Внутри вспыхивает злость. В конверте ведь мои деньги и мой ответ «хозяину». Никаких сердечек.

— Записки с сердечками оставь себе, — говорю я ровно. Голос не дрожит. Я молодец. — Я по части долгов.

И достаю конверт. Протягиваю ему.

Ян смотрит на конверт. И на секунду — на одну-единственную секунду — его дурацкая улыбка исчезает с лица, и лицо становится серьезным, почти испуганным. Он понима-

ет. Он знает, что это. Но миг проходит, и вот его губы снова растянулись в дурацкой улыбке.

— Ты переплатил за доставку, — говорю я громко, чтобы слышал весь коридор. — Возвращаю. Подачки не принимаю. И передай тому, кто пишет записки с «приказами», что я в “хозяевах” не нуждаюсь, это больше по вашей части.

Тишина в коридоре такая, что слышно, как за окном ворона каркнула.

Ян берёт конверт. Медленно. И снова натягивает улыбку — для публики:

— Ого! Целый конверт! Ну всё, парни, я пропал, она там оду в трех частях написала, — он смеётся, но смех у него какой-то деревянный. — Ладно, красавица. почитаю. А пожелание передам. Кому надо — тому и передам. Лично в руки.

— Вот и отлично, — говорю я.

И поворачиваюсь. И иду обратно. Спина прямая. Сердце в горле. Но я иду, коридор расступается, и за спиной вспыхивают шепотки: «она ему конверт… она что, с ними знакома… да она смелая, что ли…».

На подоконнике я сажусь. Мила и Настя смотрят на меня круглыми глазами.

— Ну? — выдыхает Мила. — Что это было?

— Деньги вернула, — говорю я и беру у Насти её воду, потому что горло пересохло. — Он переплатил за доставку. А я подачки не принимаю.

— Какие ещё подачки? — Настя поправляет очки. — Ле-

ра, ты о чём вообще?

— Долгая история, — я машу рукой. — Короткая версия: мажоры решили, что им можно всё, включая благотворительность. Я объяснила, что нельзя. Всё.

— Ты… — Мила качает головой, и в глазах у неё медленно расцветает восторг. — Ты подошла к ним. При всём коридоре. Ты вернула им деньги. Лера, ты моя героиня. Я бы умерла на месте.

— Я тоже чуть умерла, — честно признаюсь я. — Но красиво же получилось?

— Красиво, — соглашается Настя. И вдруг понижает голос: — Лер. А ты заметила?

— Что?

— Когда ты ушла, — Настя смотрит туда, где стоит троица, — рыжий сразу перестал улыбаться. Он конверт твой держит, как будто это граната. А светлоглазый… он тебя провожал глазами. И знаешь, на что это было похоже?

— На что?

— На уважение, — говорит Настя. — Вот честное слово. Как будто ты только что сдала экзамен, который они тебе устроили.

Я оборачиваюсь. Троица смотрит на меня, все трое, и в этот раз во взглядах нет холода — есть что-то другое. Что-то, от чего по затылку расползается странное, тёплое, предательское покалывание.

Я отворачиваюсь первой.

— Всё, — говорю я. — Закрыли тему. У меня ещё конспект не выучен.

Но внутри у меня что-то тихо звенит. Как будто я только что выиграла первый раунд. Сама не знаю, у кого и в какой игре.

Вечером смены нет. Впервые за неделю — свободный вечер, и я иду домой пешком, медленно, с наслаждением. Оставила скутер у кофейни еще утром, после смены. Иду по улицам и наслаждаюсь осенью. Деревья еще не сбросили листву, и глаз радуется ярким краскам.

Здороваюсь с бабушками у подъезда, которые почему-то подозрительно на меня косятся, а когда за моей спиной еще не успевает закрыться дверь подъезда, начинают шептаться. Странно. Я вроде не давала поводов перемывать мне косточки. До поздна не гуляю, парней не вожу. С чего бы это к моей персоне такое усиленное внимание со стороны старшего поколения.

Но поднявшись на свою лестничную площадку, все сразу понимаю.

Под моей дверью, на третьем этаже, стоят ящики. Два. Большие. Аккуратно составленные один на другой, будто кто-то очень старался, чтобы они стояли ровно.

Я поднимаюсь медленно. Сердце стучит где-то в ушах. Подхожу. Заглядываю в верхний ящик: овощи и фрукты. Помидоры, огурцы, зелень, бананы, яблоки, виноград Во втором: курица, сыр, яйца, хлеб, крупы и макароны. И сверху,

отдельным свёртком, — банка мёда и пучок мяты.

Я стою и смотрю на эту мяту, и в голове звенит одна-единственная строчка из записки: «Ты слишком мало ешь и слишком много пьёшь кофе».

— Это ещё что за… — начинаю я вслух.

— Лерочка!

Я подпрыгиваю. Из двери напротив выглядывает тётя Валя — в халате, с половником в руке, с лицом человека, который ждал этого момента весь день.

— Тётя Валя, — выдыхаю я. — Это вы… это ваше?

— Моё, как же, — фыркает она. — Девонька, я же с утра за ними наблюдаю! Принесли и поставили. И знаешь, что странно? У нас хоть и не криминальный район, но ящики с продуктами под дверью — это ж как медом намазать. А никто не тронул! Ни одна душа!

— Почему? — глупо спрашиваю я.

— А потому, — тётя Валя понижает голос до заговорщицкого, — кто их принёс, тот такой, что у нас во дворе даже пьянчужки с лавочки встали и шляпы сняли, образно говоря. Мужчина! Высоченный! Плечи — во! Лицо — я такое только в кино видела, и то в том, где все в конце померли. Он ящики поставил, сказал: «Это для Леры». И ушёл. Даже не позвонил. А я, признаться, и не рискнула спрашивать. Опасный он, Лерочка. Такой, знаешь ли… звериный. Но вежливый!

Я стою над ящиками, и внутри всё смешалось. Он знает,

где я живу, — страшно. Он опять решил за меня — злит. Он привёз мне мяту вместо кофе — и я предательски хочу смеяться.

— Тётя Валя, — говорю я. — А он… он ничего больше не сказал?

— Сказал, — тётя Валя кивает. — «Передайте: он не принимает отказов». Во как. Суровый мужик. Это твой ухажёр, что ли?

— Нет, тётя Валя, — я беру ящики. Они тяжёлые. — Не ухажёр.

— Ну-ну, — она хитро щурится. — Хотя такого ухажером язык не повернется назвать.

– А как повернется? – усмехаюсь я рассуждениям соседки, пока заволакиваю ящики в квартиру.

– Хозяин, – произносит она задумчиво, а я чуть не спотыкаюсь, он такой четкой характеристики.

– Спасибо, что присмотрели, – натянуто улыбаясь тете Вале и закрываю за собой дверь.

Из прихожей перетаскиваю провиант на кухню. Ставлю на кухонный стол. Разбираю. Помидоры пахнут летом. Сыр — настоящий, с рынка. И на самом дне, под хлебом, — сложенный вчетверо листок плотной бумаги.

Я уже знаю этот почерк. Крупный. Жёсткий. Как приказ.

«Ты вернула деньги. Хорошо. Значит, гордая. Мне нравится.

Ужин подачкой не считается. Ешь. Мяту завари вечером

— будешь спать без снов. Кофе после шести — запрещаю.

И не ищи меня. Я сам тебя найду. Я всегда рядом, Лера.»

Внизу — три царапины. Как от когтей.

Я сижу на кухне. Передо мной помидоры, мёд, мята и записка. За окном синеет вечер. Где-то далеко, на самой границе города и леса, кто-то коротко воет. И мне почему-то — впервые за все эти дни — не страшно.

Я беру мяту. Завариваю. Пью. И говорю в пустую кухню, и голос у меня усталый, но усмешливый:

— Ну что ж, «хозяин». Ужин вкусный. Спорить не буду. Но я всё равно тебя не боюсь и слушаться не буду. Делаю, потому что сама так хочу.

Пауза. Чайник остывает. Герань молчит.

— И кофе после шести я всё равно буду пить, — добавляю я. — Просто чтобы ты знал.

За окном, совсем тихо, будто усмехнувшись, шелестит ветер.

И мне кажется — я почти уверена, — что где-то там, в темноте, кто-то очень большой и очень терпеливый это услышал.

Вот немного фантазий на тему 4 главы. Как вам?

вет хозяину»

«Кит уплывает»

«Не суйся».

дачки не принимаю»

зяин и его продуктовая корзина»
«Мята вместо кофе»

Глава 5.

Первым я замечаю тишину.

Выхожу из корпуса после второй пары, останавливаюсь на крыльце — и понимаю, что вечер неправильный. Секунд пять мне нужно, чтобы сообразить, что именно. Вороны. Две недели они «дежурили» над моим маршрутом, сидели на проводах, как соглядатаи, а сегодня провода пустые. Ни одной птицы. Ни одной, представляете? Даже голуби куда-то делись, даже воробьи.

И эта тишина звенит в ушах громче любого карканья или чириканья.

— Лера, ты чего застыла? — Мила выходит следом, застёгивая куртку. — Пойдём, Настя говорит, маршрутки до девяти ходят…

— Иди без меня, — говорю я, не оборачиваясь. — Я в магазин зайду.

— В какой магазин, ты сама говорила, что у тебя все есть. Полный холодос еды, – шутит подруга припоминая мой рассказ про ящики с едой.

— Да хлеб надо взять, – отчего-то я чувствую что-то этакое и понимаю, что Миле лучше сегодня держаться от меня подальше.

Она смотрит на меня секунду, потом кивает. У нее развита интуиция, а может в моем тоне было нечто такое, из-за

чего она слушается и кивает.

—Если что, звони, — говорит она тихо. — И пиши.

Я киваю. Мила уходит, а я стою и смотрю через улицу.

Там, у киоска с шаурмой, стоят двое.

Слишком большие для просто прохожих. Плечи как у шкафчиков в раздевалке, только шкафчики не дышат так тяжело и не держат руки в карманах с такой готовностью. Они не смотрят на меня. Они смотрят мимо меня. И идут, когда иду я. Останавливаются, когда останавливаюсь я.

Отлично. Просто отлично. У меня курсовая не написана, а тут, видите ли, поклонники. Когда за мной следили вороны мне было как-то спокойнее, чем когда следят шкафы.

Я сворачиваю в арку, они сворачивают следом. Прибавляю шаг, за спиной ровный, неспешный топот, как у людей, которые знают, что добыча никуда не денется. Достаю телефон и делаю вид, что звоню, громко, на всю улицу:

— Алло? Пап? Ты где? Я у института, ты подъехал?

И слышу за спиной смех. Низкий, с хрипотцой, от которого у меня волосы на затылке встают.

— Звони кому хочешь, девочка, — говорит один из них. — Папа не приедет. Оттуда где он, уже не возвращаются.

Я не оборачиваюсь. Страшно, но я иду. Сердце колотится где-то в горле, но ноги идут ровно, и лицо у меня, я очень надеюсь, как у человека, у которого всё под контролем.

А потом из подворотни напротив выходит Марк.

Просто выходит, как будто гулял мимо, руки в карманах,

шрам над бровью и лицо такое напряженное. Следом, из-за спины, — Ян и Арсений. Троица встаёт между мной и теми двумя, и я впервые вижу, как рыжий не вертится и не скалится. Он стоит неподвижно, и плечи у него не ходят ходуном.

— Лера, — говорит Марк, не оборачиваясь. Голос ровный, но я слышу в нём натянутую струну. — Подойди. Медленно. Встань за меня.

— Что происходит? — спрашиваю я, и голос у меня, к моей гордости, почти не дрожит.

— Происходит то, — отвечает один из тех двоих, и голос у него меняется на полуслове, становится гуще, ниже, — что Луна пойдёт с нами. Тихо и без драм. Багров не любит драм.

Луна.

Слово падает в тишину, как камень в колодец. И в этот момент воздух становится густым, как в том коридоре, только в сто раз хуже. Я чувствую запах: мускус, прелая сладость, что-то медвежье, дикое, и меня насквозь пробивает вспышкой: этот запах. Этот же запах был там. В машине. Четыре года назад.

Запах мокрой земли и чужой шерсти. Жёлтые глаза у кромки света. Папин голос: «Беги».

Я качаюсь. Арсений оборачивается на секунду — и его светлые глаза вспыхивают.

— Держись за меня, — говорит он тихо. И громче, тем двоим: — Она под защитой стаи Соснового. Вы знаете правила, медведи. Чужую Луну не трогают.

— У стаи Соснового больше нет прав на эту Луну, — усмехается второй. — Наш Альфа сказал до кровавой луны она придёт к нему сама. Или мы приведём её. Разницы нет.

И из теней по обе стороны улицы выходят ещё трое. Такие же. Слишком большие. Слишком спокойные.

Я считаю про себя: нас трое, их пятеро. Математика плохая. Очень плохая математика , Лера.

Дальше всё происходит быстро и неправильно.

Марк бросается первым — я вижу, как он движется с человеческой скоростью ровно полсекунды, а потом скорость становится нечеловеческой, и воздух рвётся от удара. Ян уходит вбок, перекатом, сбивая двоих. Арсений стоит передо мной, и я вижу, как по его шее ползёт что-то тёмное, словно под кожей вздуваются жилы.

Но медведей пятеро, и они больше. Я вижу, как Марка отшвыривают в стену, глухой удар, кирпичная крошка. Ян рычит, именно рычит, по-звериному, и его прижимают коленом к асфальту. Арсений держится, но двое давят его с флангов, и у него из-под кожи на скулах проступает шерсть. Боже мой, у него на лице шерсть!

— Ну вот и славно, — говорит тот, первый, подходя ко мне. Глаза у него уже не человеческие: медово-жёлтые, с вертикальной тьмой зрачка. — Пойдём, Луна. Хозяин ждёт.

— Я, — говорю я, и голос срывается, и я ненавижу себя за это, и всё равно говорю, — ничья не Луна. Я сама по себе.

Он смеётся. И тянет ко мне лапу — по-другому это не

назвать, пальцы уже не пальцы, когти…

И в этот момент тишина, та самая, с которой всё началось, лопается.

Рёв. Низкий, протяжный, от которого у меня вибрируют рёбра и подкашиваются колени. Из тени между двумя домами, неспешно, как будто весь этот бой ему просто надоел, выходит волк.

Чёрный. С прямой спиной и серебряным отливом шерсти.

Я знаю эту посадку головы. Я знаю этот взгляд. Это ты, думаю я почему-то очень спокойно. Та самая собака. Та, что сидела через улицу от кофейни. Та, что провожала меня с границы леса. Та, что стояла под моим фонарём. Вернее это не собака. Далеко не собака. Это волк. Альфа волков.

Волк останавливается между мной и медведем. И воздух вокруг него плывёт, как над горячим асфальтом, силуэт смазывается, вытягивается, и на месте волка стоит человек.

Высокий. Широкий. С лицом из того кино, где все в конце померли, а он один остался стоять. Бабуля соседка охарактеризовала его внешность очень точно.

Медведь с когтями делает шаг назад. Один шаг. Потом ещё.

— Альфа, — говорит он, и голос у него теперь человеческий, и в нём то, чего я не слышала ни у кого в жизни: страх. Настоящий. Звериный.

— У вас было десять секунд, — говорит человек. Голос низкий, ровный, без злости. От этой ровности у меня по спи-

не идёт мороз. — Вы их потратили.

Дальше я смотрю, как дерётся Альфа волчьего клана, и понимаю, что всё, что я видела раньше, было дракой в песочнице. Два шага, удар и первый медведь летит в стену вслед за Марком. Разворот и второй хватается за руку, вывернутую под невозможным углом. Третий и четвёртый бросаются вместе и разлетаются в стороны, как тряпичные. Пятый, тот, что стоял передо мной, делает самую умную вещь за вечер: разворачивается и бежит.

Альфа не догоняет. Он смотрит ему вслед — и это страшнее любой погони.

— Передай Багрову, — говорит он в спину бегущему, негромко, но улица слышит каждое слово. — Луна не придёт. Луна не его. Если до кровавой луны я ещё раз почувствую ваших в городе я приду в ваши угодья сам. И тогда договариваться будет не с кем.

Тишина. Только Марк шипит сквозь зубы, поднимаясь, и Ян отплёвывается кровью и отряхивается от кирпичной крошки.

А потом Альфа поворачивается ко мне.

И я впервые вижу его лицо вблизи. Глаза у него сейчас человеческие, тёмные, но я-то помню, какие они были секунду назад. Он подходит медленно, как подходят к дикому зверю. Я заставляю себя не отступить. Ни на шаг. Я вообще живучая, я вообще не из тех, кто отступает.

— Цела? — спрашивает он.

— Цела, — говорю я.

— Хорошо. — Он кивает, как будто я отчиталась перед ним по форме. — Идём.

— Куда это? — брови у меня ползут вверх сами.

— Ко мне, — говорит он. И это звучит как погода: не обсуждается, просто факт.

— Я никуда с тобой не пойду, — говорю я. Голос ровный. Я молодец. — Я тебя вообще первый раз вижу.

— Неправда, — говорит он. — Ты видела меня четыре раза. Просто в другой шкуре.

Я открываю рот и закрываю. Потому что это правда. Серебряный отлив. Посадка головы. Умные глаза. Это он сидел под моим фонарём. Это он провожал меня с границы леса. Это он…

— Ты, — говорю я. — Это ты.

— Я, — он кивает. И вдруг — на секунду, на одну секунду, его лицо меняется. Он вдыхает воздух, как будто мой запах для него что-то значит, и в его глазах становится столько всего, что я отвожу взгляд. Слишком много. Слишком быстро. Слишком от человека, которого я знаю три минуты.

Он снимает куртку. Я успеваю подумать, что сейчас будет что-то совсем неприличное, но он просто накидывает её мне на плечи. Тяжёлую, тёплую, пахнущую хвоей и дымом.

— Не льсти себе, — говорит он тут же, и маска возвращается на место, как будто её и не снимали. — Ты пахнешь так, что тебя сейчас слышит весь город. Моя куртка это при-

глушит.

— Ты себе тоже не льсти, — огрызаюсь я и пытаюсь снять куртку.

— Оставь, — одно слово, и рука у меня сама замирает. Вот же. Вот же, а. — Меня зовут Даниил, — говорит он. — Запомни. Это имя ты будешь произносить чаще, чем думаешь.

— Даниил, — повторяю я, и голос у меня сочится ядом. — Какое красивое имя. А теперь, Даниил, слушай сюда. Я не твоя «Луна», я не твоя добыча, и я никуда с тобой не иду. Я сама по себе. Я вообще никому не принадлежу.

Он смотрит на меня. Долго. И вдруг усмехается, уголком рта, и в глазах ни капли веселья, совсем как у Марка, только у Марка я это видела, а у этого чувствую кожей.

— «Сам по себе» в этом городе теперь не живёт никто, — говорит он. — Связь открылась, Луна. Четыре года ты молчала, а теперь ты кричишь. Твой запах слышат все: волки, медведи, барсы. До заката ты будешь пахнуть для каждого самца в радиусе ста километров. Знаешь, что это значит?

— Просвети, — цежу я.

— Это значит, — он делает шаг ближе, и я чувствую, как от него идёт тепло, как от печки, — что за тобой будут ходить. Каждый день. Каждая стая. Каждый одиночка, у которого хватит смелости или глупости. Эти пятеро — только начало. Багров это альфа медведей, и он не успокоится, пока не разложит тебя под собой в ночь кровавой луны.

— И что предлагаешь ты? — спрашиваю я. — Сдаться тебе? Тоже разложишь ?

— Я предлагаю, — он смотрит мне в глаза, и я впервые за вечер чувствую, что он просто говорит со мной, — одну ночь. Ночь связи. Мой запах ляжет на тебя, как печать. После неё ты для всех остальных будешь занята. Тронуть Луну чужого Альфы, значит объявить войну клану. Это единственная защита, которая работает в этом мире.

— А если я откажусь?

— Тогда я буду ходить за тобой каждый день, — говорит он ровно. — И каждый день буду отгонять от тебя таких, как эти. И однажды не успею. Выбора я не предлагаю, Луна. Предлагаю срок. Подумай до рассвета.

— Никакая я не Луна, — говорю я. — Я Лера.

— Лера, — повторяет он. И на секунду, на одну-единственную секунду, мне кажется, что моё имя в его голосе звучит как что-то очень дорогое. — Подумай до рассвета, Лера.

Он отходит на шаг. Куртка его остаётся на моих плечах, тяжёлая, тёплая. Я хочу её швырнуть ему в лицо, но не швыряю. Я конечно живучая, но не дурная: на улице пахнет медведями, а от куртки пахнет так, что хочется завернуться в неё с головой. И это злит меня больше всего.

— До рассвета, — повторяю я. — А потом я сама решу.

— Решай, — говорит он. — Но знай: этот запах уже услышали. У нас одна ночь, Луна.

Он поворачивается и уходит в тень между домами, и тень

принимает его, как вода принимает камень. Только ветер шелестит по асфальту.

Я стою посреди улицы, в чужой куртке, с сердцем в горле, и слушаю, как за спиной поднимается Марк, как Ян отряхивается и ворчит «ну и дёрнул же меня чёрт», как Арсений смотрит мне в спину, тяжело, терпеливо, как часовой.

И понимаю две вещи.

Первая: у хозяина есть имя. Даниил.

Вторая: я его ненавижу. Всей душой. Сразу и навсегда.

нейросеть очень интересно представляет все, что я от нее хочу, но получилось местами даже забавно. Особенно медведь в ботинках. Как вам?

Тишина
Папа не приедет
Математика плохая
Та самая собака
Десять секунд

Глава 6.

До дома я иду медленно. Очень медленно. Ноги слушаются плохо, куртка на плечах тяжёлая, тёплая, пахнет хвоей и дымом, и я ненавижу себя за то, что не швырнула её в лужу.

Оборотни.

Вот это слово крутится в голове, как сломанная пластинка. Оборотни. Настоящие. Не из кино, не из книжек, не из Настиных теорий про «закрытый клуб». Настоящие медведи, которые превращаются из людей в зверей прямо на моих глазах. Настоящие волки, которые превращаются обратно в людей. Альфа. Луна. Кровавая луна.

Я останавливаюсь у витрины, смотрю на своё отражение. Обычная девчонка. Хвост растрёпан, под глазами круги, джинсовка чужая и большая мужская куртка сверху. Ничего во мне нет такого, ради чего стоило бы устраивать охоту. Ничего. Ни грамма.

Но они-то видят что-то другое. Они видят Луну.

Я вспоминаю запах в машине четыре года назад: мускус, прелая сладость, и впервые за долгое время не отгоняю воспоминание. Я его впускаю. И вспышка приходит не рваная, не короткая, а целая, как кусок плёнки, который кто-то склеил.

“Машина глохнет. Папа молчит. Фары выхватывают стволы. Жёлтые глаза, одна пара, вторая, третья. Гул, который

давит на рёбра. Папина рука на моей голове. «Не дыши». Удар в бок. Треск металла. «Беги». И потом — другой гул. Другой. Ниже. Длиннее. И жёлтые глаза сменяются серебряной шерстью. Огромной. Чёрной. С прямой спиной.”

Я качаюсь. Это же он. Это же Даниил.

Он был там. Четыре года назад. Он был в том лесу.

Я не помню, как дошла до подъезда. Не помню, как набрала код. Не помню, как поднялась на третий этаж. Я помню только, как закрыла за собой дверь на два оборота, как прошла на кухню, как села на пол прямо у двери и достала телефон.

Мама.

Я набираю её номер. Гудки идут долго, слишком долго, как будто телефон на другом конце мира. Один. Второй. Третий. Сброс.

Я набираю снова. Сброс.

Снова. Сброс.

Снова. Сброс.

На седьмой раз трубку хватают так, будто боятся, что она взорвётся.

— Лера?! — мамин голос хриплый, сонный, испуганный. — Что случилось? Ты жива?

— Жива, — говорю я. И вдруг у меня внутри что-то прорывается, как плотина, которую держали четыре года. — Мам. Мам, я всё знаю.

Тишина в трубке. Долгая. Такая продолжительная, что я

думаю, она сбросила.

— Что ты знаешь, Лера? — спрашивает она наконец. Тихо. Очень тихо.

— Про оборотней, мам. Про медведей. Про волков. Про то, что папу убили, а не он погиб в ДТП. Про то, что ты мне врала четыре года.

Она молчит. Я слышу, как она дышит — быстро, прерывисто, как будто собирается заплакать или закричать.

— Где ты? — спрашивает она.

— Дома. В бабушкиной квартире. Мам, расскажи мне всё. Пожалуйста. Я имею право знать. Я сегодня чуть не умерла, мам.

— Лера…

— Мам. Или ты рассказываешь сейчас, или я сажусь на автобус и еду к тебе. Прямо сейчас. Ночью.

Пауза. Я слышу, как она плачет. Тихо, беззвучно, как плачут люди, которые давно разучились делать это громко.

— Он нашёл тебя, — говорит она наконец. — Багров. Да?

— И он тоже, — говорю я. — И другой. Волк. Даниил.

Она всхлипывает так, что у меня в груди сжимается.

— Расскажи мне, — говорю я. — С самого начала. Пожалуйста.

И она рассказывает.

— Папа твой искал работу, — говорит она, и голос у неё становится ровнее, как будто она цепляется за слова, как за поручень. — Помнишь, тот год был тяжёлый. Завод встал,

его сократили. Он ходил, ходил, везде отказы. И тут, звонок. Приглашают на собеседование. Фирма солидная, зарплата хорошая. Фамилия хозяина Багров

— Багров, — повторяю я.

— Да. Тогда мы не знали. Тогда никто не знал. Папа пошёл, его взяли. Сначала всё было хорошо. Работа, деньги, мы радовались. Но потом папа начал замечать. Странности. Начальник, сам Багров вел себя странно. мы еще смеялись, что он вампир, так как никогда не встречался ни с кем при свете дня, а лишь вечером, или в пасмурную погоду. И сотрудники у него были… странные. Крупные. Все как на подбор. Папа однажды задержался на работе, случайно услышал разговор. И понял.

— Что они оборотни, —заканчиваю фразу за мамой.

— Что Багров это медведь, — поправляет мама. — Альфа медвежьего клана. И что взял он папу на работу не просто так. Ему нужен был не папа. Ему нужна была ты.

Я сижу на полу и не понимаю.

— Мам, зачем? Что во мне такого?

— Ты особенная, Лера, — говорит она, и в голосе у неё столько боли, что мне самой хочется плакать. — Я не знаю, как это объяснить, я сама не всё понимаю. Понимаешь… бабушка твоя… они были из особого рода. Хранительницы. Я не хочу вдаваться в подробности, я сама всего боюсь, но в тебе эта кровь есть. Ты можешь стать Луной. Не одного альфы. Любого. Понимаешь? Любой клан, любая стая — волки,

медведи, барсы отдали бы всё, чтобы их альфа взял тебя в пару. Потому что с такой Луной их род становится сильнее. В разы. В десятки раз.

— Мам, — говорю я, и голос у меня срывается. — Это же бред.

— Это не бред, Лера. Это правда. Багров хотел купить тебя у нас. Да, да, именно так. Он пришёл к папе и предложил деньги. Большие. Очень большие. Сказал: отдайте дочь, когда она вырастет, и я вас озолочу. А если не отдадите, плохо будет. Папа тогда… ты же знаешь папу.

Я знаю. Папа был упрямый. Папа был живучий. Как я.

— Он послал Багрова, — говорю я.

— Он послал, — кивает мама в трубке. — Сказал: моя дочь не товар. Если ей суждено стать чьей-то Луной, она сама выберет. Сама. А не по расчёту. И уволился.

— И тогда Багров…

— Тогда Багров решил взять тебя силой. Он ждал. Ждал, пока ты не повзрослеешь. Пока запах не проснётся. И в ту ночь…

Она замолкает. Я слышу, как она всхлипывает, как пытается взять себя в руки.

— В ту ночь, — продолжает она, — когда вы с папой возвращались из леса, он напал. Запах твой проснулся раньше, чем он думал. Семнадцать лет, Лера. У девочек из нашего рода запах просыпается в семнадцать. И Багров не смог сдержаться. Он вышел на дорогу. Он… он убил твоего отца, Ле-

ра.

Я сижу и не плачу. У меня внутри что-то застыло. Что-то большое и холодное. Я знала. Я знала это четыре года, только не хотела признавать.

— А я? — спрашиваю я. — Как я выжила?

Мама молчит. Долго.

— Там был ещё кто-то, — говорит она наконец. — В лесу. Ещё один альфа. Его тоже привлёк твой запах. Волк. Чёрный волк. Он не успел спасти папу. Папа был уже… но он успел спасти тебя. Он не убил Багрова, кажется ранил сильно, тот в звериной форме был, и вытащил тебя из машины. Отнёс к дороге. Потом приехала скорая, полиция. Никто ничего не понял. Сказали авария. А я… я знала. Я знала, Лера. Но что я могла сделать? Что я могла сказать?

— Почему ты не сказала раньше? — шепчу я.

— Потому что боялась, — плачет она. — Боялась, что Багров вернётся. Что он найдёт тебя снова. Поэтому я и отправила тебя в квартиру бабушки. Подальше. Думала, забудется. Думала, запах затихнет. Думала, пронесёт.

— Не пронесло, — говорю я.

— Лера…

— Мам, — говорю я. — Меня нашли. Оба. И Багров, и тот волк.

Она замолкает.

— Тот волк, — говорит она медленно. — Он живой?

— Живой. И он здесь. В городе.

— Он тебя нашёл? Он с тобой говорил?

— Говорил. И предложил… защиту.

— Какую защиту?

Я молчу. Я не могу ей сказать про ночь связи. Не могу. Это слишком.

— Свою, — говорю я уклончиво. — Мам, мне пора. Я позвоню завтра.

— Лера, ты послушай…

— Спокойной ночи, мам.

Я сбрасываю. Сижу на полу, в чужой куртке, с телефоном в руке.

Багров убил моего отца.

Даниил спас меня, но не спас отца. А может он специально не торопился?

И оба теперь считают, что я — их.

Я поднимаюсь. Иду на кухню. Ставлю чайник. Достаю мяту. Завариваю. И говорю в пустую комнату, тихо, но твёрдо:

— Я ничья. Слышите? Ничья. Я сама выберу. Как сказал папа.

Я сижу на полу минут десять. Может, больше. Чайник на плите остывает, мята в чашке раскисла. Папа с фото, смотрит вопросительно, словно так и хочет сказать: ну и что ты теперь делать будешь?

А я не знаю. Честно. Первый раз в жизни я действительно не знаю.

Я — приз. Ходячий бонус. Ключ от города, только без го-

рода, зато со студачком и недописанной курсовой. Кто меня захапает, тот главный. Надо же. Я всю жизнь думала, что я просто Лера. А я, оказывается, территория. С границами и полезными ископаемыми.

Я фыркаю. Потом смеюсь. Потом смех становится каким-то истеричным, и я говорю вслух, в пустую кухню:

— Лера, соберись. Ты че это истерить удумала.

И вот тут я вспоминаю.

Бабушка.

«Бабушка твоя была из особого рода. Хранительницы». Мама это сказала. Сказала и слилась, как всегда. А бабушка жила здесь. В этой квартире. И все её вещи тоже здесь. В кладовке. Я туда годами не заглядывала: там велосипед без колеса, который я «когда-нибудь починю», и коробки, которые я «когда-нибудь разберу».

Я вскакиваю так резко, что у меня темнеет в глазах.

Кладовка у бабушки это отдельный мир. Встроенный шкаф размером с купе для великана, забитый до потолка. Пахнет пылью, валерьянкой, старой бумагой и чем-то мятным. Коробки стоят штабелями, и на каждой бабушкиным почерком: «Новогоднее», «Банки», «Тряпки. Не выкидывать!». Тряпки у бабушки были святое. Я однажды хотела одну выкинуть, так она на меня посмотрела, как на осквернителя могил.

Я встаю на табуретку и начинаю рыться.

Пыль столбом. Я чихаю три раза подряд и говорю «будьте

здоровы» сама себе, это у меня старые привычки, ничего не поделаешь. Сверху, с полки, съезжает банка с пуговицами и с грохотом рассыпается по полу. Бабушкины пуговицы. Целая банка. Она их собирала сорок лет, «на всякий случай».

— Бабуль, прости, — бормочу я, отпихивая пуговицы ногой. — Я потом их соберу. Честно.

Коробка «Новогоднее» тоже мимо. Коробка «Банки» естественно туда же. Чемодан с открытками задвинула подальше. И вот, на самой верхней полке, за банками, коробка без подписи.

Я замираю.

Бабушка всегда всё подписывала. Всегда. А то, что важно, прятала без подписи. «Подписанное находят первым», говорила она. Я тогда думала, что это про варенье.

Я стягиваю коробку вниз. Тяжёлая. Ставлю на пол, сдуваю пыль и открываю.

Внутри перламутровая шкатулка, пачка писем, перевязанных ниткой, фотографии, сушёный пучок мяты (ну а как же) и маленькая деревянная шкатулка с вырезанной на крышке луной.

Сначала фотографии.

Бабушка молодая. Стоит на опушке леса, в длинном платье, смеётся в камеру. Я эту фотографию знаю, она у мамы в альбоме. Но здесь она другая. Потому что рядом с бабушкой, на краю кадра, полустёртый временем, волк. Огромный. Чёрный. С серебряным отливом на шерсти.

Я смотрю на фотографию очень долго.

— Так вы были знакомы, бабуль, — говорю я тихо. – Или не с ним, а с его предком.

Письма почитаю потом. Я беру деревянную шкатулку с луной и открываю. Внутри, обёрнутый в тряпицу, дневник. Тканевая обложка, без подписи. Конечно.

Я сажусь на пол среди коробок, прислоняюсь спиной к велосипеду без колеса и открываю первую страницу.

Бабушкин почерк. Ровный, с нажимом, красивый, как в старых фильмах.

«Мы, хранительницы, как маяки. Светим и на свет плывут. Плывут в основном с зубами».

Я усмехаюсь. Бабуля, ты как всегда. Коротко и по делу.

«Зверь у хранительницы не живёт. Мы не оборачиваемся, не обрастаем шерстью, не воём на луну. В этом наша сила и наше проклятие. Зверя можно сломать. Человека — нет».

«Раз в поколение в роду рождается дочь с кровью такой силы, что она может стать Луной любому Альфе. Любому. Волку, медведю, барсу. Это не дар. Это испытание».

Я поднимаю глаза от дневника. Ну спасибо, бабуль. За испытание. Я бы лучше выбрала дар. Но видимо не от бабули это все зависело.

«Луна-хранительница даёт своему альфе не просто силу. Она даёт ему право на старые угодья. Кто её сделает своей, тот и станет главным среди кланов на этой земле. Остальные обязаны подчиниться, иначе лес сам от них отвернётся. По-

этому нас искали. Покупали. Крали. Поэтому я спрятала род: не учила тебя ничему, не говорила ничего, скрывала. Думала кровь в тебе спит. Я ошиблась».

Я сижу и перевариваю.

Значит, я не невеста. Я пропуск на трон. Ходячая печать «одобрено». Багров не меня хочет, он хочет повышения. Он хочет стать главным среди всех кланов. И для этого ему нужна я. Просто я. Как ключ от кабинета директора.

А Даниил…

Если я выберу его, то он станет главным над всеми. Над медведями тоже. Вот почему Багров так бесится. И вот почему волк такой терпеливый. Такой выжидающий. Такой…

Я листаю дальше.

«Ты выберешь сама. Кровь не заставит, она только подскажет. Но запомни: выбирай сердцем. Луна, выбранная из страха, приносит клану беду. Луна, выбранная из расчёта, приносит беду себе».

«К кровавой луне определись. После неё кровь закричит так, что услышат все кланы. И тогда спрашивать уже не будут. Тогда возьмут».

Я закрываю дневник.

Тишина в кладовке. Пыль в луче света из щели. Банка с пуговицами на полу, как рассыпанное время.

Ну что сказать, семья. Мама молчала четыре года. Бабушка молчала всю жизнь. И я узнала всё из дневника и от медведя. Отличная коммуникация в семье, просто образцовая.

Я беру пачку писем. Развязываю нитку. Верхнее, короткое, бабушкиным почерком, и адресовано оно не человеку.

«Тому, кто ходит в серебре. Спасибо за ту ночь. Долг на мне. М.»

Я читаю это три раза.

Тому, кто ходит в серебре.

Серебро. Всегда серебро. Чёрная шерсть с серебряным отливом. Прямая спина. Умные глаза.

Так вот почему ты меня спас, Даниил. Четыре года назад. Не потому что я твоя Луна. А потому что долг. Потому что бабушка. Потому что «долг на мне».

Я сижу среди коробок и чувствую, как внутри что-то тихо и зло остывает.

Отлично. Просто отлично. Меня спасли по долгу. Меня караулят по расчёту. Меня хотят купить по прейскуранту. Может, ещё кто-то меня любит по доверенности?

Я встаю. Отряхиваюсь от пыли. Зажимаю дневник под мышкой, как трофей.

И тут телефон в кармане вибрирует.

Неизвестный номер.

СМС: « Давай поговорим. — К. Багров».

Я читаю это дважды. Потом поднимаю глаза на окно кладовки маленькое, пыльное, выходящее во двор. Потом снова на телефон.

И отвечаю. Одним словом.

«Нет».

Отправляю. Выхожу из кладовки и кидаю телефон на диван.Не успеваю ничего сделать, как в дверь раздается стук. Такой, что кажется она сорвется с петель.

Стук повторяется. Уже не стук, а выбивание двери тараном, от чего она ходит ходуном и с потолка сыплется побелка.

— Открой, деточка, — говорит голос за дверью. Низкий, густой, медовый. От этого голоса у меня волосы на затылке встают дыбом, потому что я его кажется уже слышала. В тот вечер в лесу, когда погиб отец. у

Я стою посреди прихожей и не дышу.

Телефон на диване вибрирует. Бегу, стараясь не издать ни одного лишнего звука. СМС. Неизвестный номер.

«Тогда пеняй на себя. Не хочешь по-хорошему — значит, я возьму силой».

Я читаю это дважды, и внутри у меня всё леденеет. А потом за дверью. раздаётся рёв.

Медвежий.

Настоящий. Такой, от которого стёкла дребезжат и голубь Гоша с карниза снимается, как ошпаренный.

Он не стал ждать. Он обернулся прямо там, у моей двери. Я не знаю, где он сейчас и сколько их. Я знаю только одно: дверь долго не выдержит. Это бабушкина дверь, она сорок лет верой и правдой служила, но против медведя-оборотня у неё аргументов нет.

Я мечусь по прихожей. Окно? Балкон? Третий этаж. Лест-

ница? Он там. Куда бежать, Лера? Куда?!

Мелькает мысль: полиция. Я хватаю телефон, и тут же сама себя одёргиваю. И что я скажу? «Здравствуйте, медведь-оборотень ломится ко мне в квартиру»? Меня не спасут, меня упакуют. В другое место. С мягкими стенами.

Удар. Дверь прогибается. С кухни слышно, как звякает посуда в серванте. Бабушкин хрусталь, который нельзя трогать, жалобно дзинькает.

— Бабуль, прости, — шепчу я.

И тут телефон в руке оживает. Звонит. Неизвестный номер.

Я хватаю трубку.

— Лера, — говорит голос. Низкий. Ровный. Тот, который я ненавижу всей душой и который сейчас звучит как единственная точка опоры в этом дурдоме. — Это я. Не кричи. Слушай.

— Даниил?..

— Я под твоим балконом. Выйди, посмотри. Только тихо.

Я на ватных ногах иду к балконной двери. Открываю. Внизу, во дворе, под моим окном, стоит он. Чёрная куртка, руки раскинуты, голова запрокинута. Смотрит на меня.

— Ты с ума сошёл? — шиплю я в телефон. — Это третий этаж!

— Третий, — соглашается он спокойно. — Для тебя — высоко. Для меня — нет. Но я тебя поймаю. Прыгай.

— Я не буду прыгать!

— Лера, — и в его голосе появляется то, чего я не слышала ни разу: спешка. — У тебя минута. Если я полезу туда сам, Багров учует меня у двери, и тогда будет бойня. Прямо в твоём подъезде. Прямо на глазах у твоих бабулек, которые уже высунулись из всех окон. Ты хочешь, чтобы тётя Валя с половником увидела медведя дерущегося с волком? Она же инфаркт получит.

Я смотрю вниз. Тётя Валя действительно уже стоит на пороге подъезда с половником в руке и смотрит на мою балконную дверь, как на последний выпуск новостей.

— Прыгай, — говорит Даниил. — Я поймаю.

— А если не поймаешь?

— Поймаю, — говорит он. — Прыгай, Лера.

Удар. Дверь в прихожей трещит. Кажется уже щепки летят на пол.

Я перегибаюсь через перила. Сердце колотится где-то в ушах. Третий этаж. Это высоко. Это очень высоко, Лера.

— Ну же, — говорит он внизу. Тихо. — Я рядом.

И я прыгаю.

Полсекунды полёта. Ветер в ушах. Мысль «я идиотка». А потом удар. Не об асфальт. В руки. Крепкие, как стальные тросы, руки. Даниил крякает, колени у него сгибаются, он делает шаг назад, но держит. Держит!

— Цела? — спрашивает он. И я слышу, как у него под рёбрами ходит ходуном сердце.

— Цела, — выдыхаю я. — Ты псих.

— Знаю, — говорит он. — Держись.

Он не ставит меня на землю. Он делает два шага к мотоциклу, чёрному, большому, стоящему у подъезда, и сажает меня на сиденье, как мешок с картошкой. Только очень дорогой мешок.

— Что ты делаешь? — я вцепляюсь в раму.

— Спасаю тебя, — говорит он, садясь спереди. — Обними.

— Ещё чего!

— Лера, — он заводит мотоцикл, и мотор ревёт так, что у меня в груди вибрирует. — Или обнимаешь меня, или падаешь на асфальт. Выбирай.

Я выбираю его. Обнимаю. Ненавижу себя. Обнимаю.

И в этот момент дверь подъезда вылетает наружу.

Оттуда, ломая косяк, вываливается медведь. Огромный. Бурый. С медово-жёлтыми глазами, в которых сейчас нет ничего человеческого. Багров. Он поднимает морду, видит нас — и рёв, от которого у тёти Вали из рук выпадает половник.

— Держись! — кричит Даниил.

Мотоцикл срывается с места. Меня вдавливает в спину Даниила, и мир смазывается в одну длинную полосу: двор, арка, улица, фонари. А сзади топот. Тяжёлый, гулкий, медвежий топот, от которого дрожит асфальт.

Он гонится. Он реально гонится, этот медведь, и он быстрее, чем кажется, намного быстрее, и я слышу за спиной его рёв, всё ближе, ближе…

— Даниил! — кричу я ему в спину.

— Слышу, — отвечает он. И добавляет газа.

Мотоцикл ныряет в арку, потом в переулок, потом ещё в один, и медвежий топот за спиной начинает отставать. Я прижимаюсь к спине Даниила крепче. Пахнет хвоей и дымом. Под щекой его лопатка, тёплая, живая. И я ненавижу себя за то, как… спокойно мне вдруг становится. Спокойно, Лера? Серьёзно? За тобой гонится медведь, ты вцепилась в волка, а тебе спокойно?

— Куда мы? — кричу я.

— Ко мне, — отвечает он, не оборачиваясь. — До кровавой луны ты живёшь у меня. Это не обсуждается.

— Это ещё почему?!

— Потому что Багров теперь знает, где ты спишь, — говорит он. — А я единственная причина, по которой он тебя ещё не взял. Обсудим на месте, Луна.

Луна. Он снова меня так называет. И я открываю рот, чтобы высказать ему всё, что я думаю про его «Луну», про его «ко мне» и про его манеру решать за меня…

Но вместо этого я только крепче обнимаю его и утыкаюсь носом в его спину.

Потому что за спиной, далеко, на границе города и леса, снова воет медведь.

И я пока не знаю, что страшнее: медведь за спиной или волк впереди.

Как обычно не все так сгенерировалось, как хотелось бы, но тоже я считаю не плохо. А ваше мнение ?

ражение

говор с мамой
Кладовка

то из коробки

Прыжок

гоня

Глава 7.

Ворота «Соснового» открываются раньше, чем мотоцикл успевает сбросить скорость. Будка сторожа пустая, шлагбаум поднимается сам, как будто посёлок узнаёт того, кто едет, по звуку мотора. Или по запаху. Или по чему-то ещё, чему у меня пока нет названия.

Мы въезжаем. Сосны. Фонари под старину. Дорогие дома, спящие в темноте, и ни одного горящего окна, кроме одного — в самом конце улицы, там, где фонари заканчиваются и начинается лес.

Дом большой. Тёмное дерево, два этажа, крыльцо с резными перилами. Из трубы тонкой струйкой идёт дым.

— Приехали, — говорит Даниил и глушит мотор.

Я слезаю с мотоцикла на ватных ногах. Меня качает. Последние часа три я держалась только на адреналине и злости, и теперь оба этих топлива кончились

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.